

У мертвых кудесников длинные руки

Николай Романецкий

Узревший слово

«Автор»

Романецкий Н. М.

Узревший слово / Н. М. Романецкий — «Автор», — (У мертвых
кудесников длинные руки)

Чародея Света Смороду, члена Колдовской Дружины Великого княжества Словенского, часто привлекают для решения оперативных задач, встающих перед новгородскими спецслужбами. Вот и сейчас ему поручено выяснить, не является ли варяжской шпионкой подозрительная девица, вместе с многочисленными гостями прибывшая в стольный град на празднование Паломной седмицы. А заодно нужно разобраться с убийством ученого, занимающегося нетрадиционной (неволшебной) наукой и обнаружившего, что заклинания не всесильны. Свет яро берется за дело. Он и не предполагает, что в результате не только отыщет убийцу, но и совершит открытие, которому вроде бы нет места в научной теории...

© Романецкий Н. М.

© Автор

Содержание

Часть первая.	5
1. Век 76, лето 2, 22 день червеня (22.06.1994г. A.D.)	5
2. Взгляд в былое. Век 75, лето 71, 28 день травня (28.05.1963г. A.D.)	9
3. Ныне: век 76, лето 2, червень.	13
4. Взгляд в былое: Забава.	29
5. Взгляд в былое: век 75, лето 71, травень.	33
6. Взгляд в былое: век 75, лето 69, вересень.	37
7. Ныне: век 76, лето 2, червень.	39
8. Взгляд в былое: Забава.	42
9. Взгляд в былое: век 75, лето 71, липец.	45
10. Ныне: век 76, лето 2, червень.	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ник. Романецкий

Узревший Слово

Все так же было Слово, и Слово было у Бога...
Платон Вершигора, «Новое пришествие»

Часть первая.

Сила чародея

1. Век 76, лето 2, 22 день червеня (22.06.1994г. A.D.)

Утро меженного солнцеворота было солнечным и безветренным. Отремонтированные к Паломной седмице здания неудержимо хвастались друг перед другом свежеекрашенными фасадами, рождая на лицах прохожих беспричинные на первый взгляд улыбки.

Однако Репня Бондарь шел сегодня на работу далеко не в самом радостном настроении.

Вечор он посидел с друзьями в трактире и потому чувствовал себя сейчас не лучшим образом. Да и то, что поведал ему за чаркой медовухи Вадим Конопля, к веселью не располагало. А поведал ему Конопля о прошедшем среди шупачей и мужей-волшебников слухе: якобы Кудесник изменил мнение по поводу своего преемника и считает теперь, что опосля его смерти руководить Колдовской Дружиной должен Свет Сморода.

Разумеется, слух этот вполне мог быть пустозвонством. Но мог оказаться и истиной. Не секрет, что Остромир в последнее время изрядно сдал, а стало быть, Марена уже бросила на него свой пристальный взгляд. Не секрет и то, что Сморода набирает силу. Не случайно же многие из тех, кто поддерживал предыдущего кандидата в новые Кудесники – Вышату Медоноса, стали брать сторону Света. Члены палаты чародеев хорошо чувствуют, куда ветер дует!..

Но слава Сварожичам, Остромир покамест жив, а что касемо Смороды и его преемства, так ведь преемник – еще не Кудесник, а пасть в глазах Остромира не так уж и трудно: провалите разочек дело, и от вашего кандидатства вмиг одни рожки да ножки останутся.

Размышляя таким образом, Репня шагал по столичным улицам – благо идти было недалеко, – внимательно разглядывая спешащих по своим делам молодцов. Женщины были его радостью и горем, источником наслаждения и ненависти, а поелику он был мужчиной разведенным, то мог уделять им вполне достойное внимание. Тем паче что будучи врачом, уделять подобное внимание не так уж и сложно: они сами к вам приходят, и многие не прочь отблагодарить за поправленное здоровье особым образом. Хотя не будем себе лгать, говорит в них вовсе не благодарность, а надежда на то, что и от врача может родиться дитя с Семаргловой Силой. Вера в подобную чушь среди женщин неиссякаема – ведь почти всякой хочется оказаться мамочкой такого ребенка!..

Репня свернул с Шимской на Купеческую. Это был кратчайший путь от дома, где он снимал светлицу с ванной, к площади Первого Поклона.

В последние дни, накануне Паломной седмицы, Репню оторвали от его привычных занятий – ведь он был не токмо врач, он был одним из немногих неудачников, которым Семаргл оставил на память о своей Силе хотя бы шупачество. И потому Репня ежелетошно привлекался к проверке паломников. А кто может помешать шупачу в процессе работы пощупать некоторых паломниц – тех, кто помоложе да покраснее, – и вручную?

Во всяком случае, вчера через его кабинет прошла такая красотица, с которой он был бы не прочь встретиться и еще раз. Повечерять капельку, а может, и на ночку напроситься... Жаль, справку о состоянии здоровья паломницам приходится выдавать опосля первой же встречи, а на продолжение знакомства в такое время попросту не достает времени (каламбурчик!...). Впрочем, особых причин расстраиваться тоже нет – не первая эта красотица и не последняя. Будут и сегодня такие – справки отсутствуют у многих, а поклониться Святилищу желают все. Хотя для повышения собственного авторитета в глазах властей ему не мешало бы нарваться и на лазутчика. Но тут как повезет – увы, лазутчиков среди паломников неизмеримо меньше, чем симпатичных девиц.

Репня прошагал по пустой еще в этот час площади и вошел в здание Временной медицинской комиссии. У дверей его кабинета уже стояли несколько человек – в рубищах паломников, но без ожерелий-пропусков на груди. Ранние птички... По каким-то причинам они явились к богам без справок. Впрочем, его эти причины не касаются. Он должен осмотреть нуждающихся в пропуске и либо выдать им справку, либо сдать карантинной команде министерства охраны здоровья. В общем, наше дело – прокукарекать, а там хоть и не рассветай!..

Репня уселся за стол и принялся ждать дежурного волшебника, который должен был заклинанием активировать в Репне способности к шупачеству: самому Репне на это требовалось не менее получаса, но и тогда запала хватило бы ненадолго.

Волшебник оказался незнакомым – видимо, прикомандированный, один из тех, кого на эти дни вызывают в столицу из удаленных районов княжества. Коротко поздоровался с врачом-шупачом; чтобы не тратить зря Силу, быстро ознакомился с анкетой одного; сотворил нужное заклинание и отправился дальше. Репня с удовольствием посмотрел на его ауру, которая проявилась сразу, едва было наложено заклятье. Вернее, проявилась не аура – она сияла вокруг головы волшебника изначально, – проявились способности Репни видеть ее.

Волшебник ушел, унеся с собой свою ауру, и Репня пригласил зайти первого из паломников. У того была аура дюжинного человека, и интереса он для Репни не представлял ни с какой стороны. Тридцатипятилетний мужчина, здоровенный, как бык, слегка сексуально озабоченный, поелику за неимением денег добирался до столицы пешедралом и не решался связаться с паломницами, напуганный рассказами жены о венерических заболеваниях. Репня выдал ему справку, и обрадованный посетитель умчался добывать ожерелье-пропуск.

После него в кабинет вошел еще один мужчина, постарше, потом баба лет пятидесяти, за нею снова мужчина, и еще, и еще, и еще...

И токмо часа через полтора опосля начала приема перед Репней (в нем уже родилась злоба на судьбу) появилась первая девица. Девица была весьма хороша – настоящая куколка. Но сердце у Репни заколотилось не токмо от ее красы: вокруг головы паломницы сияла аура стопроцентной волшебницы. И скорее всего такая аура могла быть токмо... как оно в справочнике-то говорится?... ага, «результатом наведенного заклятья с целью отвлечь внимание проверяющих». С какой это стати настоящая волшебница явится сюда за справкой?...

– Как вас величают, девица? – спросил Репня.

– Вера.

– Почему у вас нет справки?

Девица молча пожала плечами.

– Заплатить за справку есть чем?

Девица ухмыльнулась. Взгляд ее был весьма красноречив – так смотрят на собеседника, когда хотят сказать ему: «Ведаем мы, что у вас на уме!»

Репня не на шутку обозлился. В этом кабинете на него еще никто так не смотрел: паломники прекрасно понимали, что токмо от врача зависит, попадут они в Перынь или наткнутся на рогатки карантинной команды. Жаловаться-то бесполезно: врач всегда может сослаться на очередь и спешку.

– Раздевайтесь!

Девушка взялась руками за подол своего мешка, легким движением скинула рубище, и столько было в этом движении грации и изящества, что в Репне мгновенно проснулся дух Перуна. Корень начал расти, и Репня заерзал на стуле.

Девушка спокойно смотрела ему прямо в глаза. В ней не было ни страха, ни волнения. Аура по-прежнему казалась аурой волшебницы.

Ах так, возмутился Репня. Ну погодите же!

Он встал, вышел из-за стола, приблизился к паломнице. Та опустила глаза и тут же вновь вскинула их. Теперь во взгляде ее появилось любопытство: она заметила, как оттопырилась его левая штанина. И он не удивился, когда в ее ауре возникло свечение Додолы – розоватые всполохи, короной обвившие голову паломницы.

– Значит, вам нужна справка? – спросил Репня дрогнувшим голосом и подивился бессмысленности своего вопроса.

Паломница опять не ответила. Она переступила с ноги на ногу и вдруг томно, медленным движением, потянулась. Репня содрогнулся: хотимчик взял его в клещи. Корень вырос в полноценный ствол, и паломница вновь перевела взгляд на левую штанину щупача. Ланиты ее порозовели.

Она же видит в моей ауре свечение Перуна, запоздало догадался Репня. Если, конечно, она и в самом деле волшебница...

Возбуждение нарастало. Ее плоть манила, притягивала взгляд. Репня сделал еще шаг. Шаг этот был коротким и неуклюжим, врач подбирался к своей пациентке бочком, крадучись, словно сам того не желая.

И тут в нем вновь родилась злоба: как смела эта красотка, будучи волшебницей, вести себя спокойно и выдержанно. Девушке должно бояться тронутого Перуном мужчину... А за злобой родилась и ненависть. Ведь перед ним стояла одна из тех, кем не сумел стать сам Репня. А буде и другая, то такая же, как та, что помешала ему сделаться одним из них. А как мстить таким, Репня знал хорошо.

Однако торопиться он не стал. Подошел к лжепаломнице. Как истый врач, наложил ладонь на ее лоб. Никакой порчи в ней, само собой, не было – это ему стало ясно в то же мгновение. И никакого повода отказать ей в справке. Будь она обыкновенной девушкой. Но аура волшебницы...

Что ж, проверим, какая вы волшебница, подумал он. Кричать-то в любом случае вряд ли станете!..

Он взял ее за руку, подвел к кушетке.

– Ложитесь на живот!

И не дожидаясь, опрокинул ее на спину.

Кричать она и в самом деле не стала. Да и сопротивлялась слабо и неубедительно. Только для проформы – я, мол, не из додолок...

Перси у нее были очень крепкие. И оказались чрезвычайно чувствительными: паломницу затрясло, едва он коснулся губами соска. Так что он скинул штаны, уже не боясь, что она вырвется. А войдя, обнаружил, что в ней нет ни капли девственности. Как и невинности.

На каждую его ласку она отвечала еще более изощренной и быстро довела его до конца.

– Вот так-то! – пробормотал он, когда семя вырвалось из корня.

Она взвизгнула и сжала его стегнами. Как настоящая, умудренная опытом любви женщина.

Но оторвавшись от ее тела и вновь обретя способность видеть и размышлять, он обнаружил, что ее аура так и осталась аурой волшебницы.

Он надел штаны и сел за стол, не сводя с нее внимательного взгляда. Девушка поднялась с кушетки, бурно вздохнула, изящным движением натянула на гибкое тело рубище паломницы.

– Вы выдали себя, – сказал Репня, поелику аура волшебницы опосля всего случившегося могла сохраниться лишь в одном случае: буде она, эта аура, была наведена настоящим волшебников на дюжинную женщину. И стало быть, он только что держал в объятиях лазутчицу. Или пособницу лазутчика. В обоих случаях это означало, что он наконец-то поймал врага. Вернее, врагиню...

Тут ему, правда, пришла в голову еще одна возможность. Эта возможность была слишком маловероятна, чтобы оказаться правдой, но чем Велес не шутит...

Однако в любом случае щупач должен поступить строго определенным властями образом. К тому же, как ни мал был шанс, эта женщина вполне способна оказаться тем самым «делом», которое мог провалить чародей Сморода.

И потому Репня не стал выписывать паломнице справку. Он еще раз посмотрел на ее ауру и потянул за шнурок, вызывая в кабинет дежурного стражника.

2. Взгляд в былое. Век 75, лето 71, 28 день травня (28.05.1963г. А.Д.)

Сказать, что Владимир Сморода, посадник старорусский, пребывал не в своей тарелке, значит не сказать ничего. Попробуйте-ка совладать с собой, когда вам предстоит разлука с единственным сыном. Да и Дубрава, жена посадника, успокоения в сердце мужа отнюдь не вносила.

– Све-е-етушко! – выла она. – Стри-и-ижик мой ясный! Да куда-а-а ж вас, родненького, забира-а-ают?! Да как же я без вас жи-и-ить буду!

Вокруг Дубравы металась взволнованная челядь.

Самого Света в палате не было, он находился в своей комнатке, но, слыша вопли матери, наверняка точил слезы. Впрочем, для девятилетнего пацана он плакал на удивление тихо.

Посадник набылчился, цыкнул на супругу. Та словно и не слышала, продолжала причитывать, терзая тонкими перстами льняные кудри:

– Све-е-етушко, родненький!.. Сироти-и-иночка моя ненаглядная! – Она повернулась к мужу. – Отец, да как же мы без внушеньков-то на старости лет останемся? Пощадите, родименький!

Посадник, сам с трудом сдерживающий слезу, не выдержал и вспылil:

– Да помолчите вы! Нешто моя вина, что вы токмо на единого способны оказались?

Крикнул и устыдился злобства своего: Дубрава была женщиной узкостегной, и девять с лишком лет назад чрево ее с большим трудом выпустило первенца. Врачи едва спасли роженницу, опосля чего супруги обоюдным советом решили, что больше у них детей не будет.

Дубрава замолкла. Очи ее гневно сверкнули. Посадник тут же пробормотал виновато:

– Простите, матушка! Не со зла я... Да и не зависит от меня ничего – вам ли не знать...

Дубрава вновь заголосила, а посадник опрометью кинулся вон из палаты. Вытер тыльной стороной ладони сбежавшую-таки слезу и отправился в зеркальную.

Здесь не было окон, и дежурный колдун сидел в полумраке, которого не могли разогнать неяркие огоньки светилен.

Поверхность волшебного зеркала отливала девственно-серым.

– Свяжите меня со столицей, – сказал посадник, – с резиденцией Кудесника.

Дежурный кивнул, проделал руками пассы, прошептал заклинание. Наука в последнее время добилаcь немалых успехов, и работать с волшебным зеркалом теперь мог чуть ли не отрок.

Когда поверхность осветилась, дежурный уступил посаднику место.

На связи был Всеслав Волк, секретарь нового Кудесника. Посадник хорошо знал Всеслава. Поздоровались, перекинулись парой ничего не значащих любезных фраз. Потом посадник спросил:

– Всеславушко, мне уже назначено?

– Да, – кивнул секретарь. – Сегодня, в восемнадцать часов. Я как раз собирался вам об этом сообщить. Что Дубрава?

– Плачет, знамо дело.

Всеслав понимающе покивал, но ничего не сказал: слов утешения в этой ситуации не существовало. Жаль, конечно, старорусского посадника и его жену, но закон есть закон. Придется им встречать старость без внучат. Или решиться на второго ребенка.

Поговорили еще немного и распрощались. Зеркало медленно посерело.

Посадник уступил место дежурному и посмотрел на часы, висающие под светильней. Чтобы успеть ко времени аудиенции, надо было отправляться трехчасовым поездом. Время еще есть, но немного. И слава Сварожичам! Долгие проводы – лишние слезы...

– Закажите мне купе первого класса на трехчасовой.

Дежурный тут же повернулся к зеркалу. Посадник покусал губы и вышел. В коридоре ждал дворецкий.

– Заложите коляску к двум пополудни, – распорядился посадник. – И передайте мамкам, что Свет должен быть собран к этому же часу.

Хорошо понимающий душевное состояние хозяина дворецкий молча кивнул. Посадник посмотрел ему вслед и отправился в комнату сына.

Свет сидел за письменным столом. Когда открылась дверь, вскочил, но, узрев отца, снова сел, ссутулился. Посадник подошел к нему, положил длань сыну на макушку. Пшеничные волосы Света, в отличие от кудряшек Дубравы, были прямыми.

– Чем заняты, сынок?

– Рисую Змея-Горыныча.

Свет поднял голову. Карие глаза блестят, полные материны губы подрагивают, но держится.

– Уезжаем в два часа.

Свет низко склонился над столом, заводил по рисунку карандашом. И вдруг на бумагу упали две крупные прозрачные капли.

– Что вы, сынок? – Посадник взлохматил шевелюру сына. – Не на век же расстанемся!

Покрывил душой, но ведь не сказать правду девятилетнему мальчишке. Увы, сегодня сын станет отрезанным ломтем, и ничего не поделать – закон есть закон... Но все еще жила в душе надежда, что вышла ошибка, что вернутся они к ночи в Старую Руссу вдвоем.

Посадник смял десницей колючую бороду, прижал к животу голову плачущего сына.

– Выше нос, Светушко!.. Не к лицу мужчине лить попусту слезы!

Голос звучал фальшиво-весело, но все-таки не дрожал. Посадник дождался, покуда сын успокоится, и вышел из светлицы.

Дубрава все еще сидела в палате, потряхивала кудряшками.

– Уезжаем в два часа.

Дубрава снова зарыдала в голос, но тут же взяла себя в руки. Встала, выпрямилась перед мужем, стройная, как былинка, прижалась к широкой груди посадника. С минуту постояли так. Потом Дубрава вытерла слезы и сказала:

– Пойду распоряжусь насчет обеда.

Посадник облегченно вздохнул: жена-таки сумела справиться с собственной слабостью. Впрочем, иного он и не ожидал – Дубрава Смородина была слаба статью, но не духом.

А за обедом она и вовсе держалась молодцом. Шутила, рассказывала сыну, как будет навещать его, врала уверенно и увлеченно и аж носом ни разу не шмыгнула. Обманутый поведением матери, Свет оживился, обрадованно встретил известие, что поедут они поездом. Посадник тоже старался быть на высоте, поддразнивал сына, без усталости сыпал шутками. Дубрава старательно смеялась, хотя шутки мужа и выглядели слишком натужными.

Дубрава не разрыдалась, даже когда сын и муж сели в коляску. Шикнула на завопивших мамок, осознавших наконец, что потеряли свое сокровище. И лишь когда коляска завернула за угол, позволила себе дать волю слезам.

* * *

Кудесник Остромир, глава Колдовской Дружины Великого князя Словенского, вернулся от Рюриковича не в лучшем настроении. Святослав XI был весьма озабочен предстоящим празднеством, и Кудесник понимал озабоченность Великого князя. Конечно, организация доставки паломников в Перынь – дело волхвовата и министерства транспорта. Конечно, наблюдение за паломниками – дело волхвовата и министерства безопасности. Но и без дружинников

ни Верховный Волхв, ни министры не обойдутся. А у чародеев и так хватает обязанностей. Стало быть, Колдовской Дружине и лично ему, Кудеснику, придется поломать голову, как и про обычную работу не забыть, и интересы безопасности страны обеспечить. А Рюрикович беспокоится не зря – при летошнем паломничестве было разоблачено изрядное количество лазутчиков, и надеяться, что ныне их будет меньше, – означает лишиться государственной мудрости. Тем паче что варяжских шпионов по внешнему виду не выделить – ликом они от словен не отличаются, не ордынцы ведь. Впрочем, в Орде европейцев тоже хватает... Да еще ляхи с балтами. Да и о братьях наших киевских забывать не надо – братья они токмо против общего врага, а в обычные времена всяк свой интерес блюдет.

Остромир тяжело вздохнул: предстоящий месяц обещает быть достаточно суетным. Он сдул со стола микроскопическую пылинку и дернул за шнурок, вызывая секретаря.

Тот мгновенно появился на пороге, в руках папка для бумаг.

– Что там у нас еще на сегодня?

Всеслав приблизился, положил перед Кудесником папку:

– В приемной князь Владимир, старорусский посадник, с княжичем. Помните, я говорил?

– Да, помню. – Остромир не спеша открыл папку. – Пригласите через пять минут.

Секретарь скрылся за дверью. Кудесник принялся просматривать бумаги.

Талант в княжиче открыл сам посадник. Пару недель назад княжич, взяв в руки прадедову дуэльную шпагу, вдруг принялся рассказывать, как князь Ярополк Сморода дрался с оскорбителем прабабки. Никто княжичу этой истории ввек не поведывал, да и к семейной летописи его еще не подпускали: маловат. И потому посадник сразу заподозрил необычное. И вспомнил о законе, позвал старорусского чародея Садка...

За пять минут Кудесник успел прочесть все немногочисленные бумаги, содержащиеся в папке, и когда Всеслав вновь возник на пороге, коротко бросил:

– Просите!

Секретарь исчез, не закрывая двери, а Остромир сотворил акустическую формулу С-заклинания, встал из-за стола и шагнул навстречу входящему в кабинет Владимиру. Следом за отцом на пороге появился княжич, и Остромир чуть не споткнулся. От неожиданности застыл на секунду: вокруг головы мальчонки сияла такая аура, какой он у детей еще ни разу не видел.

Да, похоже, Садко не ошибся – чародею не удалось бы совладать с княжичем. Тут без него, Кудесника, не обойтись, да и ему Серебряное Кольцо понадобится.

Владимир заметил удивление Остромира, чуть развел руками: таковы, мол, дела. Кудесник опомнился, снова шагнул навстречу посетителям:

– Здравы будьте, княже! И вы, княжич, здравы будьте!

Усадил гостей в кресла, попросил принести для князя медовухи. Самому предстоящее дело приложиться к кубку не позволяло. Заговорили о житье-бытье. В глазах посадника светилась затаенная надежда. Остромир незаметно приглядывался к мальчонке. Довольно крепенький, кареглазый, на голове шапка пшеничных волос. Хороший сын у князя. Был... Да, жаль отца! Впрочем, интересы государства выше родовых интересов старорусского посадника.

Кубок с медовухой иссяк, иссяк и разговор. Княжич вертелся в своем кресле, с интересом стрелял по сторонам глазами. Остромир позвал секретаря.

– Проводите княжича. Я сейчас.

И увидел, как потухла надежда в глазах князя. Посадник встал:

– Ступайте с миром, Светушко. – Голос его не дрожал. – Слушайтесь наставников, не позорьте отца с матерью. – Легонько прижал сына к широкой груди и через мгновение оттолкнул.

Всеслав взял княжича за руку, вывел через заднюю дверь. Тут же вернулся, замер в ожидании. Посадник понял, хотел, похоже, протянуть Кудеснику десницу, но не решился. Повернулся и, сопровождаемый Всеславом, опустив рамена, пошел вон из кабинета.

Когда он скрылся, Остромир открыл сейф, достал Серебряное Кольцо и баклагу с Колдовской Водицей. Шагнул в заднюю дверь.

Княжич сидел на кушетке, все так же стрелял по сторонам любопытными карими глазенками. Увидев Кудесника, вскочил:

– А где мой папа?

– Вы ведь теперь не боитесь? – ответил вопросом на вопрос Остромир.

– Нет, конечно! – воскликнул мальчик. – Княжичу негоже бояться!

– Да, – согласился Остромир. – Княжичу негоже бояться.

Сзади открылась дверь, вошел Всеслав, приблизился к мальчику.

Остромир вскинул десницу, сотворил акустическую формулу заклинания. Аура вокруг головы мальчика вспыхнула так, что на мгновение затмила сияние светилен. Впрочем, сам княжич ничего заметить не успел – Всеслав уже укладывал его обмякшее тельце на кушетку.

– Экой силы Талант!

– Да, – сказал Кудесник. – Разденьте его.

Пока секретарь освобождал мальчика от одежды, Остромир пригасил светильни. Камора погрузилась в полумрак.

– Готово, Кудесник!

Остромир подошел к кушетке. Голенький княжич лежал перед ним – глаза прикрыты, руки вытянуты вдоль тела, перунов корень чуть изогнулся на мошонке. Остромир открыл баклагу и побрызгал Колдовской Водицей на грудь княжича. Потом надел на перунов корень мальчика Серебряное Кольцо. Всеслав, чтобы не отвлекать Кудесника, собрал одежду княжича и скрылся за дверью. Остромир отступил на шаг от кушетки, собрался с силами и, впившись взглядом в Серебряное Кольцо, сотворил акустическую формулу.

Мальчик вздрогнул. Перунов корень его стремительно набух, превратился в ствол. Обжимающее его кольцо полыхнуло холодным сиянием, и ствол тут же увял, корень принял первоначальную форму. Колдовская Водича, испаряясь, зашипела, засверкала огоньками.

Кудесник пошатнулся, опустился на пол и прислонился спиной к стене: заклятие выпило из него почти все силы. Впрочем, сегодня они ему больше не потребуются.

Вошел Всеслав, протянул Кудеснику кубок с медовухой. Остромир единым глотком опорожнил, с трудом поднялся на ноги. Мальчик по-прежнему лежал на кушетке, грудь его мерно вздымалась – он спал. Кудесник снял с его корня Серебряное Кольцо, кивнул секретарю.

– Во имя сынов Семаргловых! – сказал Всеслав. – Вопреки чаяниям Додола!

И принялся надевать на спящего бывшего княжича одеяние воспитанника.

Мальчик вдруг зачмокал и громко сказал:

– Мама...

Остромир скрипнул зубами и, прихватив баклагу с Колдовской Водицей, покинул камору.

3. Ныне: век 76, лето 2, червень.

Ночью Свету приснился сон, один из тех снов, от которых к утру не остается ничего, кроме чувства острого сожаления. И хоть непонятно, к чему относится это сожаление – то ли к содержанию сна, то ли к свойствам человеческой памяти, с успехом изгоняющей из себя большинство сновидений, но настроения такие сны не улучшают. А вот раздражения, наоборот, прибавляют. Тем более, что вчера был один из двух тренировочных дней...

Сегодня Свет встал, как всегда – в семь.

День предстоял достаточно напряженный. Уже через час его будет ждать в поприще кандидат в новые тренеры по фехтованию. В десять надо быть в Институте истории княжества – академик Роща хотел бы проверить гипотезу о том, что найденный при раскопках под Медведем шолом принадлежит князю Ярославу Мудрому. В полдень собрание в палате чародеев, посвященное предстоящей Паломной седмице. Паломная седмица, по обыкновению, принесет Колдовской Дружине лишь дополнительные хлопоты. После обеда консультации в родном Институте теории волшебства. А ближе к вечеру, в восемнадцать, ежеседмичное служение в храме Семаргла – покровитель колдунов требует своих жертв. Хотя бы с точки зрения затрат времени... Туда надо съездить. Обязательно. Боян уже и так косо поглядывает, поелику Свет пропустил служение на прошлой седмице. К тому же, Верховный Волхв прав – среди столичных мужей-волшебников (не говоря уже об отроках) встречаются самые различные люди, и какой же пример подаст им чародей, пропускающий без уважительных причин служение Семарглу... А то, что онный чародей был в онный час занят государственными заботами, так это его, чародея, личное дело. Для волхвовата вера – превыше всего!.. Впрочем, тут он, Свет, впадает в обыкновенное брюзжание. Нет, конечно, для Верховного Волхва Бояна IV превыше всего – те же государственные заботы, и не смотрел он на Света косо. Просто под началом у Бояна вся страна, а не одни только волшебники, и хотя бы от волшебников (тем паче высокопоставленных) он не желал бы иметь дополнительные хлопоты.

Размявшись в тренировочном поприще, Свет покрутился под холодным душем, с удовольствием ощущая кожей тугие струи воды. Все-таки постепенно, но неуклонно порожденная нетрадиционной наукой техника вторгается в повседневную жизнь, и там, где ее применение обходится дешевле колдовских услуг, она уже прочно захватила позиции. Кто же будет использовать для работы обычного душа волшебство? В трубу вылететь можно!..

Вообще мир без колдунов представлялся Свету весьма любопытным явлением, и потому в своих литературных сочинениях он с удовольствием разрабатывал принципы его устройства. Сочинения эти подписывались псевдонимом «Платон Вершигора», и для них в сейфе была выделена отдельная полка – публиковать свои опусы Свет пока не решался. Может быть, в будущем... А что касается псевдонима, то ничего удивительного – подобный мир и должен быть придуман киевлянином, а не словеном.

Обтираясь насухо полотенцем, Свет окончательно принял для своей последней небыли «Новое пришествие» очередной сюжетный поворот, который вечор пришел в голову уже на сон грядущий.

Выпив стакан апельсинового сока (завтрак предстоит после занятий со шпагой), Свет надел костюм для фехтования и без нескольких минут восемь спустился в тренировочное поприще.

Честно говоря, эти занятия отнимали немало драгоценного времени, но, во-первых, позволяли сохранять физическую силу и здоровье, а во-вторых (и в-главных), ведь надо же каким-то образом снимать с души накапливающуюся злобу. Муже-волшебники чаще всего занимались с этой целью спортивными единоборствами, у чародеев же для разрядки было принято брать в руки шпагу.

Кандидат в новые тренеры уже ждал Света в поприще. Прежний мастер седмицу назад преставился от апоплексии, и сегодняшняя встреча была первой, а потому интересной вдвойне. Берендей, отыскавший тренера по своим экономским каналам, сразу доложил хозяину, что претендент по происхождению из германцев. Предки его жили в Словении уже более трех веков, и в каждом поколении один из представителей рода обязательно избирал своей стезей преподавание искусства драки с применением холодного оружия. Гостомысл Хакенберг (так звали претендента) имел обширную практику среди дворянства, но с волшебником, по словам эконома, сталкивался впервые.

– Здравы будьте, чародей!

– Доброе утро, мастер!

Встали в позицию. Салютуя друг другу, подняли шпаги подвысь. Приглядываясь к сопернику, сделали несколько выпадов. Особенно энергичны и стремительны у германца были флешы, и после десятиминутного боя Свет убедился, что новый тренер его вполне устраивает. Стопы у Хакенберга были развернуты практически на сто восемьдесят градусов, передвигался он по поприщу мягко, как кошка, в движениях чувствовалась хорошая квалификация, и в последующие четверть часа германец нанес Свету вдвое больше уколов, чем получил в ответ. Наконец повеселевший Свет запросил пощады.

– Вы меня устраиваете, мастер. Об оплате договоритесь с моим экономом. Я дам ему распоряжения.

Хакенберг улыбнулся:

– Благодарю вас, чародей. – Он вытер со лба пот. – Скажите, буде мой вопрос не покажется вам невежливым, сколько вам лет?

– Сорок один.

– Для своего возраста вы удивительно подвижны, да и реакция – будьте здоровы!.. Или все дело в волшебстве?

– Что вы, мастер! – Свет взял полотенце и тоже принялся вытирать с лица пот. – В фехтовании волшебные приемы – не подмога. Ведь фехтование, как и всякое единоборство, связано с агрессией, а Дневное волшебство и агрессивность несовместимы. Вот если бы я был Ночным колдуном, тогда – да. Тогда бы вам пришлось опасаться волшебства... Но Ночные колдуны недолго остаются колдунами.

Хакенберг покивал:

– Да, я слышал об этом...

– Конечно, ведь мы не скрываем этих сведений от простых людей. Добрый человек должен быть полностью уверен: Дневной волшебник ввек не причинит ему зла. Это одна из фундаментальных аксиом, на которых держится современное общество. – Свет бросил полотенце на вешалку и дернул сигнальный шнурок. – Однако теперь я должен вас покинуть. – Он кивнул в сторону вошедшего слуги. – Вам покажут, где душ. Жду вас в шестерницу, в этот же час.

Свет поднялся наверх и снова принял душ, на этот раз теплый. Когда он спустился в трапезную, завтрак уже ждал на столе: чародей не любил слишком горячей пищи, трапеза – не баня. Касьян, повар, не сдавал позиций и с похмелья – все было вкусно. Прислуживала сегодня за столом Забава, и ее выходки приходилось терпеть. Впрочем, настроения Свету она испортить не могла. К тому же, он прекрасно понимал, что за вечерней трапезой уже ей придется терпеть выходки хозяина.

Выпив обязательную утреннюю чашку кофе, Свет в прекрасном настроении поднялся в рабочий кабинет. Через минуту в дверь постучал Берендей: пришло время получать от хозяина распоряжения на наступивший день.

* * *

Из дому выехали без опоздания, и поэтому Петр, кучер, не гнал. Как обычно, под стук неторопких вагончиков конки перебрались через Волхов по Вечевому мосту. Эта дорога была длиннее, но Свет любил Вечевой с его замысловатыми решетками и торжественно выглядящими фонарями. Последний раз два враждебных веча встретились на этом мосту (вернее, на существовавшем в те времена) еще при Ярославе Мудром, сумевшем положить конец вольнице Новгородской республики и создавшем Великое княжество Словенское. Однако название моста прошло через века и уцелело.

Перебравшись на Кремлевскую сторону, повернули направо от Детинца и двинулись по набережной. Институт истории княжества находился ближе к окраине города, в Колмово, в районе порта. Переехали через оборонительный вал. Справа, на противоположном берегу, смотрелись в седой Волхов радующие глаз хоромы Торговой стороны, среди которых пребывал и дом самого Света. Набережные были полны разряженных молодежи, катающих в колясках своих орущих или посапывающих грудных детей. По реке, приветствуя друг друга негромкими гудками, неторопливо ползли прогулочные пароходики – старинному-то городу сам Дажьбог велел получать доход от туризма. А для любителей совсем уж сугубой древности полоскались в волховской воде веслами и парусами на ветру разноцветные ушкуи – как во времена веча.

Свет думал о предстоящей Паломной седмице. Среди всегдашних сотен тысяч паломников, приезжающих поклониться Пантеону, наверняка найдется несколько десятков лазутчиков. И задача Дружины – помочь министерству безопасности выявить и выловить их. Лазутчики всегда были магами, и как правило работали с прикрытием, поскольку в ауре лазутчика не может не быть ярких красок агрессивности. Магов, осуществляющих прикрытия, распознать было гораздо труднее, ибо их ауры мало чем отличались от аур дюжинных людей. А кроме того, присутствие агрессивности в ауре – еще не доказательство того, что человек совершил или задумал преступление. Агрессивность вообще неотъемлемая часть личности мужчины. А потому малоквалифицированный щупач вполне может принять за мага-лазутчика любого сексуально озабоченного добропорядочного гражданина. Или даже не успевшего разрядиться собрата.

Откуда-то появилось ощущение присутствия наблюдателя. Свет повернулся и глянул в заднее окошечко. Позади тащился новомодный, пришедший из Аглиции и широко распространенный в последнее время по городам Словении экипаж. В Аглиции такие экипажи назывались кебами, местные же остряки незамедлительно назвали их «трибунами».

Свет попросил Петра повернуть налево, потом, через квартал, направо, а потом вернуться на набережную. Все сомнения тотчас исчезли: трибуна явно преследовала его карету. Свет велел Петру остановиться, спустился на тротуар и зашагал в сторону преследователя. Тут же возникло ощущение смертельной угрозы. Свет вскинул руку с Серебряным Кольцом и сотворил мысленное заклинание. Несомненно, в трибуне находился маг, ибо Свет немедленно уловил сопротивление. Длилось оно всего пару секунд, но для мага это было достаточное время. И подходя к трибуне, Свет уже знал, что увидит.

Извозчик, заметив Серебряное Кольцо, сразу остановился:

– Что прикажете, чародей?

Свет открыл дверцу, заглянул внутрь. Так и есть... Мужчина лет тридцати, мертвые глаза смотрят в никуда, изо рта тянется бледно-зеленая струйка рвоты. На полу под ногами – пистолет. Наверное, был приличным магом, раз сумел, получив отраженный удар, собрать силы, чтобы принять яд. К сожалению, в этом случае агрессия была направлена против самого себя, и потому ее энергию использовать невозможно.

– У вас тут труп.

Извозчик спустился на мостовую, заглянул внутрь экипажа, заохал, засуетился.

– Надо позвать стражника...

– Подождите! – резко сказал Свет. – Где он вас нанял и что сказал?

Извозчик сощурился, поднял глаза к небу. Глуповатое лицо его покраснело.

– Нанял на Восточной улице. Сказал, будто хочет проследить любовника своей жены. На вашей карете ведь не было знака. Кабы я знал, что она принадлежит чародею, я бы и за сто гривен не поехал. Да нешто я...

– Говорил ваш наниматель с акцентом? – перебил Свет.

– С акцентом?! – Извозчик ошеломленно захлопал ресницами. – Да нет же, конечно. Наш он... С закордонником я и вовсе ни за что не стал бы следить за неизвестной каретой. Тем паче в канун Паломной седмицы... Нешто мы не понимаем?!

Свет сделал знак приближившему Петру вернуться на свое место и сказал извозчику:

– Пойдите, приведите стражника, я останусь здесь!

Извозчик проследил глазами удалившегося Петра, потом с сомнением посмотрел на Света. Однако послушаться чародея не осмелился, побежал к ближайшему посту стражи.

Открыт охотничий сезон, подумал Свет. Вот только кто – интересно? Варяги или ляхи? Все они хотели бы узнать о новинках волшебной техники! И как удобно раскинуть свои щупальца в Паломную седмицу, когда веселье и неразбериха, когда можно выйти на сотрудника Института колдовской техники, не являющегося волшебником, а стало быть, при удаче, могущего оказаться беззащитным перед магом!

Он снова посмотрел на труп; не прикасаясь, оглядел пистолет.

Наше оружие, системы «змиулан», четвертого калибра. Если бы это хоть о чем-то говорило!.. «Змиулан» пользуется успехом во всем мире. А в общем-то, этого мага, скорее всего, принесли в жертву только для того, чтобы проверить перед Паломной седмицей, не потерял ли нюха Свет Сморода, член палаты чародеев Государственной думы, муж-волшебник Великокняжеской Колдовской Дружины. И пусть он не занимается проблемами изучения перуновой мощи – нового и весьма многообещающего направления в нетрадиционной науке, – зато умеет распознавать лазутчиков! Кто-то наверняка наблюдал со стороны за схваткой, но подите его отыщите среди пешеходов, шагающих себе мимо стоящей у кромки тротуара трибуны, запряженной переминающейся с ноги на ногу лошады... В общем, обернется это происшествие только потерей времени и более ничем.

И потому, когда на набережной появились извозчик и сопровождающий его стражник, Свет облегченно вздохнул.

* * *

В Институт истории он так и не попал. Пришлось связаться с академиком Рощей и принести ему глубочайшие извинения. Договорились встретиться завтра, в это же время. Если, конечно, встрече не помешают очередные внеочередные заковыки.

Место происшествия стражники осматривали недолго, ведь само по себе самоубийство неизвестного говорило о наличии у него преступных намерений. Если это и в самом деле было самоубийство... Но в таких случаях право окончательного вывода остается не за стражниками. Поэтому они лишь сообщили о случившемся в министерство безопасности. Свет, со своей стороны, поставил в известность канцелярию Кудесника. В связи с происшествием, разумеется, придется предстать перед Контрольной комиссией, но тут уже ничего не поделать – закон есть закон. А Ночных колдунов Дружина предпочитает выявлять как можно раньше, пока они еще не успели натворить непоправимых бед. Так что если вы член Дружины и оказались замешаны в гибели человека – будь он волшебник, будь простой смертный, – пожалте на комиссию.

В общем, вместо Института истории Свет оказался в министерстве безопасности. Поскольку он и сам не раз рабатовал на министерство, ждать долго не пришлось. Впрочем, ему бы не пришлось долго ждать, если бы он и не рабатовал на министерство – члены палаты чародеев дожидаются аудиенции разве что у Великого князя.

Путяте Утреннику о случившемся уже доложили. Сам министр волшебником не был, и, как всегда в таких случаях, на встрече присутствовал опекун министерства от Дружины Буня Лапоть. И хотя Талант Буни уступал Таланту Света, зато Лапоть прекрасно разбирался во всех заковыринах взаимоотношений между министерством и Дружиной.

Сели за стол в уголке кабинета. Утренник, судя по всему, стремился подчеркнуть неофициальный характер разговора, во всяком случае, распорядился, чтобы сударям волшебникам подали сбитень. Сам, впрочем, остановился на коньяке.

– Скажите, чародей, – министр сразу решил взять быка за рога, – не удалось ли вам понять, кого мог представлять неизвестный?

Свет помотал головой:

– Неизвестный был магом. К тому же явно работал с прикрытием. Во всяком случае, угрозу я почувствовал в самый последний момент, когда она стала откровенно смертельной.

Лапоть потербил нижнюю губу:

– Мне такое представляется в достаточной степени странным.

– Мне тоже, – согласился Свет. – Обычно угроза ощущается намного раньше.

– А не удалось ли вам ощутить прикрывающих? – спросил Утренник. – Где они могли находиться?

– Не удалось... Кстати, ведь характер яда может внести определенность в национальную принадлежность неизвестного.

– Да, – сказал Лапоть. – Но характер яда мы узнаем токмо опосля вскрытия. Врачи просто еще не успели провести аутопсию.

– Насколько мне известно, – заметил министр, – направление ваших теоретических изысканий не связано с изучением электроновой энергии. – Утренник называл перунову мощь новым термином, недавно введенным в обиход нетрадиционной наукой.

Свет пожал раменами:

– Ну, впрямую как будто бы нет... Хотя мы знаем об этом явлении настолько мало, что я бы, например, не удивился, окажись, что кто-то, продвинувшийся в его изучении дальше, сумел обнаружить связь наших теоретических разработок с применением пер... электроновой энергии.

– Чародей Сморода занимается определением связи характера волшебных манипуляций с характером ауры волшебника, – пояснил Лапоть.

– Да-да. – Утренник кивнул. – Но насколько я понимаю, буде подтвердится гипотеза об электромагнитной природе ауры...

– Буде подтвердится. – Свет сделал ударение на первом слове. – Мы не можем основывать какие-либо конкретные выводы на гипотетических высказываниях академика Барсука.

– Понимаю, – Утренник сделал еще глоток коньяка, – но наша служба должна учитывать любые гипотетические варианты, буде они связаны с безопасностью страны. Академик Барсук недавно высказал мысль о возможности создания электроновых приборов, способных оказывать действие на волшебные манипуляции, вплоть до кардинального искажения их характера.

– В самом деле?... Я не знаком с этими мыслями Барсука. – Свет пожал раменами равнодушно, но ему сразу стала понятна обеспокоенность министерства безопасности.

Если подобные приборы действительно могут быть разработаны, они немедленно станут средством борьбы с волшебниками вражеской стороны. И тогда хрупкое равновесие, на котором держится современный мир, будет немедленно нарушено.

– И вы полагаете, что...

– Возможно, наши супротивники достигли кое-каких результатов... впрочем, полагаю, не слишком серьезных, иначе Карл не отказался бы от искушения напасть на нас... Но главное, они проверяют, каковы в этой области наши достижения. Ну а допрежь всего они хотели бы ликвидировать нашего лучшего щупача. – Утренник кивнул Свету. – Тогда шансы вражеских лазутчиков выйти на наши тайны несколько повысились бы.

Свет задумчиво посмотрел на министра и проговорил:

– Может быть, вы и правы... Вот только ради столь эфемерных целей жертвовать жизнью квалифицированного мага... А квалификация у него была явно – уж в таких-то вещах я разбираюсь.

– Кто знает... – сказал Утренник. – А вдруг эти цели и не столь эфемерны, как вам кажется.

– К тому же, – добавил Лапоть, – определенный удар по вам, брате чародей, наносится в любом случае.

– Да, – сказал Свет. – Ведь теперь мне предстоит подвергнуться контролю, и до этого по закону я должен быть отстранен от любых государственных дел. А Контрольная комиссия теперь соберется лишь после Паломной седмицы.

– Я немедленно поговорю с Кудесником, – сказал Лапоть, – и сделаю все возможное, чтобы комиссия собралась уже сегодня. Конечно, вашим нервам, брате чародей, все равно предстоит испытание...

Еще бы, подумал Свет. Кто из нас может знать, сколь чисты в подсознании наши помыслы?... И кому известно, что причиной смерти нападавшего мага было мое желание защититься? А может, я и нанес первый удар, заставив его принять яд!

Он растерянно посмотрел на Лаптя. Буня, сверкнув зеркальной лысиной, кивнул в ответ, и выражение лица его было успокаивающим.

* * *

Буня Лапоть слов на ветер не бросал: собрание в палате чародей перенесли на три часа пополудни, а на час Кудесник назначил Контрольную комиссию. Зато пришлось отправить посыльного в Институт теории волшебства и отменить сегодняшние консультации.

Как и полагалось обрядом, Света ввели в палату, когда члены комиссии уже собрались. Они сидели за столом, все пятеро чародей, каждый из которых по силе Таланта уступал Свету, но все вместе они были способны противодействовать любым его заклинаниям – как защитным, так и агрессивным. Помимо пятерки главных действующих лиц, присутствовали Буня Лапоть и личный представитель самого Верховного Волхва, волхв-волшебник Стрига Бык. Не будучи членами комиссии, они угнездились за отдельным столиком, в сторонке.

Стол, за которым сидели чародеи-контролеры, представлял собой дугу окружности радиусом в десять аршин. В центре воображаемой окружности разместился стул – на нем должен сидеть контролируемый. Сзади и с боков стул охватывался полукруглым серебряным экраном. В стене за экраном, под самым потолком, темнела узкая щель, забранная серебряной решеткой.

Войдя в палату, Свет увидел удивленные лица некоторых членов комиссии: по-видимому, еще не все знали, кто стал виновником столь спешного сбора.

Согласно обряду, Свет остановился перед столом и поклонился присутствующим.

Буня Лапоть встал:

– Глубокоуважаемые чародеи! Братие! Вы собрались тут по велению Кудесника, поелику предстоящее деяние не может быть отложено на более позднее время. Как видите, даже собрание палаты перенесено Кудесником на три. – Лапоть по очереди обвел взглядом присутствующих, стремясь подчеркнуть значение своих слов. – Дело в том, что сегодня в десятом часу

утра на чародея Смороду было произведено покушение. Происшествие закончилось смертью нападавшего.

Присутствующие тут же дружно закивали – дальнейшие разъяснения им не требовались. Раз волшебник связан с гибелью человека, по закону он должен быть проверен на Ночное волшебство. Личность же проверяемого полностью разъяснила им ту торопливость, с которой собрали комиссию.

Лапоть сел. Встал Стрига Бык, исполняющий функции хранителя закона, кивнул Свету:

– Сударь Сморода. – Согласно обряду называть контролируемого волшебника словом «брате» запрещалось. – Сдайте хранителю закона ваше Серебряное Кольцо!

Свет снял с указательного перста десницы Кольцо и положил на стол перед Стригой Быком.

– Благодарю вас, сударь! Займите место согласно обряду!

Свет сел на стул перед экраном.

Члены комиссии смотрели на него внимательно и настороженно. Так полагалось по всем правилам проведения контроля: на этот стул садились разные люди, и исходы случались всякие. Бывали и среди чародеев волшебники, связавшиеся с делами Ночи. Им в этой палате не оставалось ничего, как напасть первыми. И снова не очень внимательный член комиссии в результате отправился на погост, к Велесу и Марене.

С тех пор и оборудовали под потолком позади стула защищенную серебром бойницу. Стоит Стриге Быку поднять десницу, как из бойницы вылетит серебряный арбалетный болт и вопьется сидящему на стуле в самое основание черепа. Впрочем, такого еще ни разу не было. К тому же, члены Контрольной комиссии – не палачи, столкновение с ними грозит связавшемуся с Ночью лишь полной потерей Таланта да знаний, приобретенных с его помощью.

Стрига Бык взял со стола Серебряный Кокошник, медленными шагами приблизился в Свету, зашел сзади и возложил Кокошник на голову проверяемого.

– Во имя Семаргла!

– Именем его! – отозвались члены комиссии.

Волхв вернулся на свое место.

– Ночь да уйдет из этой палаты! – произнес он ритуальную фразу.

Свет закрыл глаза, откинулся на спинку стула. Он уже проходил через процедуру контроля и знал, что последует. Когда мозг окутали теплые волны, излучаемые Серебряным Кокошником, он расслабился и позволил мыслям течь, куда им вздумается. По экрану сейчас начнут метаться разноцветные пламена, связанные с эмоциями и состоянием нравственности проверяемого. И если он хотя бы раз применил свой Талант целенаправленно во вред словам, по серебру побегут черные пятна. Конечно, дюжинный человек вообще ничего не увидит, но среди членов комиссии нет дюжинных людей. А освященные Верховным Волхвом опытные чародеи обязательно выведут Ночного волшебника на чистую воду. Как бы он ни сопротивлялся... И горе проверяемому, если его действие будет квалифицировано как Ночное волшебство!

Разумеется, не всякое убийство является преступлением. Тут все определяется намерениями и ситуацией. Скажем, убийство убийцы – иногда единственный выход предотвратить еще более гнусное душегубство... В общем-то, в ритуале контроля решающее значение имеют ум и мудрость членов комиссии, и теоретически она способна принять любое решение. Но глупцов в Контрольных комиссиях не бывает, это исключено системой отбора. И потому, когда раздался голос Стриги Быка: «Во имя Семаргла!» – Свет с удовлетворением открыл глаза. Настороженность чародеев как рукой сняло, все казались совершенно спокойными, но была в выражениях их лиц некая доля вины. Что ж, порядочный человек всегда стыдится ситуаций, когда жизнь заставляет его подозревать себе подобного в чем-то непорядочном...

Волхв подошел к проверяемому, снял с его головы Серебряный Кокошник и снова произнес ритуальную фразу:

– Ночь не вошла в эту палату!

Свету вернули Кольцо, пожали десницу, похлопали по раменам и засыпали извинениями. Все было, как в первый раз. Но, как и в первый раз, он, даже сознавая необходимость контроля, не мог избавиться от легкого чувства обиды. Надо думать, члены комиссии сами не единожды проходили через оную процедуру и были хорошо знакомы с этим чувством. Потому и извинялись.

Стрига Бык вытащил откуда-то, по-видимому, заранее заготовленный протокол, члены комиссии расписались в нем. Поставил свой автограф и Свет. После этого Бык скрепил подписи печатью канцелярии Верховного Волхва, на чем заседание Контрольной комиссии и завершилось.

До собрания в палате оставалось еще более часа, и Свет, решив пообедать, отправился в трапезную Детинца. Едва он, с удовольствием вдыхая запахи, переступил порог, как его окликнули. Свет огляделся. Буня Лапоть был уже здесь, сверкал лысиной, махал из-за стола рукой.

– Садитесь, брате чародей, откушаем вместе.

Подлетел половой, принял заказ, быстро принес солянку в горшочках, свежий хлеб.

Буня целеустремленно работал ложкой, отвешивал поклоны знакомым. Еще не отошедший от пережитого Свет ел больше по необходимости. Когда подали телятину под грибным соусом, Лапоть сказал:

– Я не мог поговорить с вами до комиссии, сами понимаете – не имел права. – Он вдохнул аромат соуса, отрезал ножом кусок телятины и с удовольствием отправил в рот. – Утром среди паломников обнаружили прелюбопытнейшую девицу.

– Разве уже появились паломники?

– Да, ныне Верховный решил открыть доступ в Перынь на два дня раньше. Паломников ожидается больше, чем в прошлом лете... Так вот, один из щупачей обратил внимание на странную девицу. Мы бы хотели, чтобы вы тоже на нее посмотрели.

– Кто он, этот щупач?

– Его величают Репня Бондарь.

Свет хорошо знал Бондаря: когда-то они вместе учились в школе волшебников. И хотя после испытания Додолой Репне пришлось сделаться врачом, но чувствительности к аурам он не потерял (бывает такое чудо), и министерство безопасности систематически привлекало его к работе по выявлению лазутчиков среди желающих поклониться Пантеону. Щупач он был квалифицированный и, кажется, никогда не ошибался. Во всяком случае, Свету такие ошибки известны не были.

– Я съезжу туда, – сказал Свет.

Лапоть кивнул, и трапеза продолжилась.

* * *

Заседание палаты началось в три пополудни.

Собрались в полном составе – все тридцать семь чародеев. Помимо них, присутствовали приглашенные: министр безопасности, товарищ министра внешних сношений и личный представитель Великого князя Словенского. Приглашенные правом голоса не обладали.

Открыл заседание Кудесник.

– Глубокоуважаемые чародеи! Братие! Я думаю, нет нужды напоминать вам, по какой причине мы здесь собрались. Однако, прежде чем мы перейдем к обсуждению проблем, связанных с Паломной седмицей, я бы хотел напомнить, что одно решение не было принято нами еще на прошлом заседании. Речь идет об официальном допуске в имяслов христианских имен.

Все вы помните, что обсуждение состоялось в прошлый раз. Хочу токмо поведать вам, какие решения приняты другими палатами. И палата великородных, и палата земских представителей допуск одобрили. Отношение волхвовата осталось неизменным.

Свет мысленно кивнул. Волхвы всегда были самым консервативным слоем общества, но, с другой стороны, там, где нет консерваторов, и общественная стабильность, как правило, отсутствует – кто-то же должен сдерживать розовых оптимистов, готовых подхватывать любую скороспелую инициативу велеречивых ослов от политики.

Но что касемо официального допуска в обращение христианских имен, тут, конечно, волхвоват палку перегнул. Все равно петры и павлы – как и марины с софиями – живут во всех уголках Словении, и большинство из них вспоминает данные местным земским волхвом имена только в дни святителей. Как ни крути, а препятствовать этому процессу стоило бы, лишь стремись страна к изоляции, усматривая в ней спасение от грядущих бед.

По-видимому, подобным образом рассуждал не один Свет, потому что через три минуты палата чародеев Государственной думы тридцатью голосами против одного при шести воздержавшихся проголосовала за официальный допуск христианских имен к регистрации.

Затем слово было предоставлено товарищу министра внешних сношений. Тот одернул камзол, поправил на груди пышные франкские кружева.

– Судари чародеи! Я уполномочен Великим князем ознакомить вас с нынешней международной обстановкой. – Он обвел глазами присутствующих. – На сей день главной угрозой для Великого княжества Словенского по-прежнему остается Скандинавская империя. Польское королевство в настоящее время занято своими проблемами с Австро-Германией. Угроза Уралу уменьшилась в связи с тем, что у Золотой Орды возникла напряженность с басурманскими государствами. Во всяком случае, рубежных конфликтов, подобных тем, что были тридцать лет назад, в ближайшее время не предвидится. – Он снова обвел глазами членов палаты. – Что касемо Скандинавии, то за лета, прошедшие опосля поражения в последней войне, благодаря помощи Аглиции и Франкии, Стокгольм в немалой степени восстановил свои международные позиции. В настоящее время Скандинавское внешнеполитическое ведомство возобновило систематические консультации с Ригой, а в самой Балтии поднимает голову партия воссоединения, ставящая целью приведение страны под крыло Карла Двадцать Второго. Официальная Рига, правда, вкусив независимости, не спешит возвращаться в объятия варягов, да и мы, со своей стороны, приняли кое-какие меры, заключив, в частности, с Балтией договор о гарантиях безопасности. Однако позиции сторонников Карла в правительственных кругах Риги остаются достаточно серьезными. Разумеется, Стокгольм желал бы иметь возможность угрожать Ключграду с обеих сторон Чухонского залива. Как вы понимаете, значение портового Ключграда для нашей страны остается непреходящим, поелику транспортные потоки через Мурман все-таки в достаточной степени ограничиваются климатическими условиями. И потому восстановление блокады Словении в Варяжском море Стокгольм ставит своей главной стратегической задачей. Кроме того, Карл, вестимо, желал бы вернуть территории, потерянные Скандинавией по Готландскому договору тысяча девятьсот пятьдесят пятого лета.

Свет в очередной раз отметил про себя, что светские государственные лица в своих речах уже вовсю пользуются христианским летоисчислением. Как ни крути, а мир стремится к определенному единообразию. Хотя бы в области торговли и информации.

– Как вы помните, – продолжал товарищ министра, – согласно Готландскому договору, Великому княжеству Словенскому отошли земли на юге Суоми, вплоть до Котки, и в провинции Похьос-Карьяла. Думаю, не надо разъяснять, насколько в результате возросла безопасность Ключграда. Немалое значение для нас имеет и обретение Балтией независимости. Как вы понимаете, маленькие государства в первую очередь думают о сохранении своей территории, а не о приобретении чужой. Кроме того, надо отметить, что государства Западной Европы весьма заинтересованы в сохранении и расширении торговли с Новымгородом, и это играет

нам на руку. Тем не менее, мы не можем не учитывать возможности новой войны со Скандинавией, а в случае поражения – и возобновления блокады нашего флота в Чухонском заливе... Все это я вам объясняю с целью, чтобы вы поняли всю серьезность тех просьб, с которыми мы собираемся обратиться к вам.

Чародеи зашумели. Раздались крики, что присутствующие и так прекрасно понимают серьезность внешнеполитических задач и им-де не требуется разжевывать очевидное. Кудесник встал, тряхнул седой гривой и энергичным взмахом руки восстановил тишину.

– Сударь! – обратился он к товарищу министра внешних сношений. – Поведайте палате, каковы наши взаимоотношения с Киевом.

Товарищ министра одернул кружева на груди и сказал:

– Как и присно, братские.

Свет поморщился. «Как и присно...» Ни одного века не прошло, чтобы между Новым-городом и Киевом не вспыхивали разного масштаба войны. Были времена, когда великие князья Киевские (те же Рюриковичи, что и Новгородские) не единожды собирали рати, стремясь мечом приобщить своих северных родственников ко кресту Христову. За что чуть и не заплатились, когда на них обрушился со своей ордой Батый. Исполать киевскому Иешуа, северные родичи оказались не злопамятными, откликнулись и помогли во второй половине XIII века освободить Киев и загнать татарские полчища назад, в Среднюю Азию, за Хвалынское море. К счастью, у освободителя Киева, Великого князя Святослава III Новгородского, хватило мудрости (впрочем, ведь Ярослав Мудрый был его прямым пращуром), чтобы не навязывать русам своих порядков и вернуться в земли Словенские. А то бы не миновать очередной религиозной схватки, и осталось бы Менгу-Тимуру, внуку Батыя, лишь выползти из своего Хорезма, взять обе ветви русских братьев тепленькими да и сесть на оба русских престола. Впрочем, братские узы оказались более крепкими, чем узы веры, и потому, когда начинало пахнуть жареным для одной Руси, вторая всегда приходила на подмогу. На том и продержались почти тысячу лет. А обороняться-то было от кого. Да и сейчас, к слову, не перевелось...

Между тем, товарища министра внешних сношений сменил министр безопасности.

– Сударь чародеи! Я коротко поведаю вам о положении на рубежах княжества. Как и допрежь, самая серьезная обстановка на западных и северо-западных границах. В последнее время увеличилось количество задерживаемых рубежниками лазутчиков на Нарове и около Котки. Соответственно, мы полагаем, увеличилось и количество просачивающихся. Думается, это связано с тем, что Институтом нетрадиционных наук с некоторых пор ведутся работы по новым, весьма перспективным для обороны страны направлениям. Сквозь южные границы, через территорию Русского царства, тоже проникают лазутчики, но там мы работаем совместно с русами и справляемся. На юге Урала идет активная заброска лазутчиков со стороны Орды, но это было присно, едва токмо Урал стал играть для нас нынешнее промышленное значение. То же и с нефтяными и газовыми промыслами Зауральской Сибири. В общем, тамошние наши службы с задачами справляются. Но вот район Ключграда и столицы нас весьма волнует. А если учесть, что вот-вот начнется Паломная седмица, и к Перыни уже потянулись богомолыцы, среди которых может скрываться сколь угодно большое число лазутчиков, то мы вынуждены обратиться к палате чародеев с просьбой оказать нам помощь волшебниками высокой квалификации. Боюсь также, что чародею Смороде в эти дни будет тяжело справиться в одиночку с проверкой подозреваемых, а потому хотелось бы, чтобы палата выделила еще троих-четверых чародеев-щупачей.

Путята Утренник поклонился и сел.

– Кому что-либо не ясно? – спросил Кудесник.

Всем было ясно всё.

– Мы предварительно переговорили с министром безопасности, – продолжал Кудесник, – и полагаем предложить палате следующую расстановку сил. Здесь, в столице, остается чаро-

дей Сморода. Опричь его, уже сейчас надо направить по одному чародею-щупачу в Псков, Корелу, Борисов-на-Онеге и Ключград. Возможно также, не след забывать и о Менеске... По первым четырем городам, я думаю, замечаний быть не должно. Псков рядом с рубежами Балтии, Ключград – важнейший порт в устье Невы, Корела – не менее важный транспортный узел на северо-западе озера Нево, такое же положение и у Борисова-на-Онеге. По обычаю, прежде чем решать вопрос в приказном порядке, я должен спросить, не найдутся ли четверо... нет, с учетом Менеска – пятеро желающих.

Свет огляделся. К проблеме безопасности относились серьезно все – в последнюю войну у многих чародеев при осаде варягами Ключграда, Корелы и Борисова-на-Онеге погибли отцы и старшие братья. Поэтому желающих оказалось с избытком. Кудеснику осталось только сделать выбор.

* * *

Когда заседание завершилось, Свет отправился на площадь Первого Поклона – отсюда традиционно начиналась для прибывших в столицу дорога в Перынь, к Святилищу. На площади стоял кумир Мокоши, а поблизости размещалась Временная медицинская комиссия, проверяющая у паломников наличие справок о состоянии здоровья: святой волхвоват стремился обезопасить столицу и паломников от заразных болезней. Здесь же за определенную плату могли проверить здоровье те, кто не удосужился получить справку у своего местного врача. Больных сразу же изолировали и понуждали к лечению. Среди членов медицинской комиссии работало немало щупачей: тут было идеальное место для выявления лазутчиков.

За квартал от площади карету остановил стражник: здесь движение экипажей прекращалось. Свет велел Петру дожидаться и отправился дальше пешком, обгоняя традиционно не спешащих и традиционно облаченных в рубища паломников. Впрочем, одежду некоторых из них следовало бы называть каким-нибудь другим словом. Рубищем у этих богомольцев и не пахло – мешки с дырами для рук и головы были изготовлены из очень дорогой аглицкой ткани, а их обладателям явно не доставало золотых колец на перстах и жемчужных ожерелий вокруг шей.

На площади царила торжественная обстановка. Цепочка желающих отдать Первый Поклон медленно тянулась мимо двадцатипятиаршинного кумира богини судьбы и супруги Дажьбога. Паломники протягивали к Мокоши обнаженные руки и шептали молитву. Некоторые становились на колени и осеняли себя крестом. По-видимому, это были поменявшие веру христиане, в волнении забывшие, что перед ними не Иешуа. Впрочем, супружница Дажьбога принимала от людей любые знаки поклонения, и крестящихся не поправляла – лишь просили поспешить и не создавать у ног богини толпу. Саженой за пятьдесят до кумира стояла палатка, тут дежурные волхвы принимали принесенные богине дары.

Свет пересек площадь по краю и направился туда, где исчезали за углом отдавшие Первый Поклон. У входа в здание Временной медицинской комиссии уже образовалась небольшая очередь: управляющему явно пора было привлекать к работе дополнительных врачей. Свет прошел к служебному входу, предъявил пропуск, попросил провести его в свободный кабинет и вызвать щупача Бондаря.

Ждать пришлось недолго.

Свет не встречался с Репней, кажется, уже лет пять и был слегка удивлен, обнаружив, что бывший соученик слегка полысел. Похоже, они виделись в последний раз несколько раньше, чем казалось Свету... Впрочем, внешности лысина не портила. Наоборот, придавала щупачу Бондарю величественности и импозантности: Репня и в сорок оставался Репней.

Поздоровались как всегда – прохладно. Свет из вежливости поинтересовался, как поживает семья Бондаря, и получил такой же вежливый ответ, что-де неплохо поживает, уже три-

надцать лет, как развелись, а признаков Таланта у сына и посейчас не обнаружено. Сказав это, Репня бросил на Света быстрый взгляд и снова опустил глаза.

Свет сконфузился, но виду не показал.

Неудобно как получилось, подумал он. И похоже, голубок, я вам по-прежнему не нравлюсь...

Но говорить ничего не стал: все, что могло быть сказано об их взаимоотношениях, было сказано давно. Еще четверть века назад.

Бондарь тоже молчал, знакомо покусывая нижнюю губу. Пауза затягивалась.

– Что за девицу вы обнаружили, шупач? – не выдержал наконец Свет. – Чем она так интересна, что потребовался я?

Разумеется, Репня уловил сарказм. Но сдержался, лишь судорожно вздохнул. А потом сказал:

– Девица и в самом деле интересная – и на внешность, и, так сказать, на внутренность.

– Внешность меня не интересует.

– Знаю! – Репня фыркнул, однако колкости себе не позволил. – На то вы и муж-волшебник... В общем, аура у нее потрясающей силы, забивала находящихся рядом. Такую ауру наши шупачи должны были обнаружить у нее еще в раннем детстве, и пройти мимо школы колдуний она никак не могла.

– Но прошла?

– Но прошла... Поэтому я сразу обратил на нее внимание. Справки у нее не было, и я спросил, почему она ее не получила. А она заявила, что не знает... якобы ничего не помнит! – Репня сделал многозначительную паузу.

– И вы сразу подумали о заклятии на амнезию, – сказал Свет.

– Столь мощная аура не очень-то согласуется с возможностью подобного заклятия, – возразил Репня. – Но дальше – больше... Медицинское освидетельствование показало, что обнаруженная девица либо замужняя женщина, либо блудит. – Репня снова сделал многозначительную паузу.

– Ага, – сказал Свет. – А значит, заклятие на амнезию тут же становится возможным, потому что ее аура является результатом наведенного заклинания, и, стало быть, девицу использовали как прикрытия при медицинском освидетельствовании, в результате чего мы проспали лазутчика.

– Вряд ли я бы даже с таким прикрытием проспал ауру другого волшебника. – В глазах Репни заметались странные искры.

– Вы стали самоуверенным. – Свет неодобрительно покачал головой. – Кто из нас может сказать что-либо определенное о возможностях Таланта...

– Вот именно! – воскликнул Репня и снова замолчал.

Свету надоели эти многозначительные паузы.

– Ладно, – сказал он. – Где она у вас? Отправьте ее в министерство безопасности. Там я с нею и познакомлюсь. А через нее и на партнера-лазутчика выйдем.

И тут Бондарь все-таки не выдержал:

– Вы глупец, Сморода! Нешто вам не приходит в голову другое объяснение для этой странности?!

– Что вы имеете в виду?

– Что я имею в виду! – Репня вскочил и пробежался по кабинету, взмахивая руками, аки ворон крыльями. – Я имею в виду, что обнаружил вторую мать Ясну!

Свет хотел покрутить перстом у виска, но в разговоре с Репней Бондарем подобные жесты были не лучшей репликой. К тому же, если теория волшебства уже один раз была нарушена, почему не может быть второго?

– Так где она у вас? – повторил Свет и направился к двери.

Репня не ошибся и на этот раз: у девицы и в самом деле оказалась аура волшебницы. Свет почувствовал ее даже сквозь стену. А чтобы открыть дверь, пришлось послать за стражником – ограничиться охранным заклятьем, с такой-то пленницей, было бы верхом легкомыслия, и девицу посадили под добротный навесной замок, изготовленный из прочной стали и требующий наличия у желающих пообщаться с задержанной реального ключа. Стражник явился быстро, отпер замок, открыл дверь.

– Оставайтесь оба в коридоре, – сказал Свет.

Стражник щелкнул каблуками, Репня Бондарь скривил физиономию, куснул нижнюю губу, но промолчал. Свет обновил С-заклинание, шагнул в темницу.

И чуть не ослеп. Пришлось тут же сотворить новое заклинание, ослабляющее Зрение. Пылающая аура притухла, и он смог рассмотреть пленницу.

Девушка сидела с ногами на лежанке и без интереса смотрела на неожиданного гостя. Волосы цвета спелой пшеницы, карие глаза, одета в обычное рубище, в ауре преобладают фиолетовые цвета, но угрозы не ощущается. И никаких особых примет.

– Здоровы будьте, девушка!

Пленница спустила с лежанки ноги, но не встала.

– Будьте и вы здоровы, дяденька!

Сказала и улыбнулась. Свет нахмурился: ему показалось, что в ответном приветствии прозвучала малая толика издевки. А может, и вправду показалось.

– Как вас величают, сударыня?

– Вера.

– Хорошее имя... А где вы живете?

– Не знаю, дяденька, не помню.

Она снова улыбнулась, на этот раз растерянно и как-то странно: словно не верила, что происходящее является реальностью.

– Не величайте меня, Вера, дяденькой, величайте чародеем.

В ее глазах вспыхнуло удивление, вспыхнуло и тут же потухло, будто задернули в окне занавеску.

– Хорошо, чародей.

Улыбка ее угасла, в ауре усилились фиолетовые цвета.

– Значит, где вы живете, не помните... А что вы помните?

Девушка пожала плечами и подняла глаза к свежепобеленному потолку. Взгляд карих глаз затуманился.

Свет ждал.

– Дорога... – медленно произнесла девушка. – Люди... Дали мне эту одежду... Позвали с собой...

– Дали вам одежду? Стало быть, вы были не одеты?

Девушка снова задумалась. Потом с усилием сказала:

– Не знаю... Не помню. Все как в тумане...

– А что это были за люди?

Последовала новая пауза.

– Мужчина, высокий... Лица не помню. А с ним, кажется, женщина... – Девушка помотала головой. – Нет, не помню!

– Шпейс е сканд? – быстро спросил Свет.

– Что?

Свет повторил заданный по-варяжски вопрос.

– Не понимаю, – сказала девушка. И похоже, не солгала: никаких изменений в ауре не произошло. Впрочем, так же себя должна вести и наведенная аура.

Свет сделал два шага в сторону паломницы. Она вдруг съежилась. Свет сделал еще шаг. И тогда девица быстро вскочила с лежанки, стащила через голову свой мешок и застыла перед Светом, опустив голову. А Свет обнаружил, что особые приметы у задержанной все-таки есть. Молочно-белые перси девицы явно не знали прикосновения солнечных лучей. Такой же белизной сверкала полоска кожи на стегнах и вокруг треугольничка пшеничных волос на лобке.

И вот тут аура девицы изменилась: в ней появились розовые цвета. Девица подняла голову, обнаружила, что ее прелести гостя не интересуют, поняла – любить ее не собираются. Взгляд ее тут же сделался дерзким и наглым. И тогда, неожиданно для себя самого, Свет повернулся к ней спиной и вышел из темницы.

Репня со стражником ждали в коридоре.

– Ну что? – сказал Репня.

– Пока она пусть остается здесь. – Свет задумчиво потер подбородок. – Решение будет сообщено позднее.

Репня кивнул. А Свету вдруг показалось, что та, которая осталась за запираемыми стражником дверями, пытается проникнуть в его желания. Он словно видел, как она натягивает на молочно-белые свои перси мешок, как силится вникнуть в невнятный говор, раздающийся в коридоре. И в нем зрела уверенность, что она с удовольствием вспоминает, как он разглядывал ее обнаженное тело. Вот только причина этого удовольствия была ему непонятна.

Покидая здание Временной медицинской комиссии, он оглянулся.

Репня Бондарь смотрел ему вслед, и физиономия щупача цвела ехидной улыбкой.

* * *

Верховный Волхв понимал, сколь заняты сейчас волшебники. Поэтому проповедь его оказалась короткой, и служба продолжалась не более получаса.

На ступеньках храма к Свету подошел Буня Лапоть, сверкнул лысиной.

– Брате чародей! Мне бы хотелось с вами поговорить. Прошу в мой экипаж.

Свет отдал приказ Петру, чтобы тот пристроился к карете министерства безопасности, и последовал за Лаптем. Буня сотворил экранирующее заклинание, после чего сказал:

– Завтра академик Барсук собирается продемонстрировать результаты своих последних исследований. Министр считает, что вам надо присутствовать на демонстрации. Кудесник с ним согласен.

Свет поморщился: опять надо будет извиняться перед академиком Рощей. Впрочем, история немного подождет. И подольше ждала, веками...

– Когда начало?

– В два пополудни.

Исполать Сварожичам, перед Рощей извиняться не придется. Но консультации опять откладываются. Впрочем, если может ждать история, то уж рвущиеся в теоретики молодые волшебники и тем более подождут. Пока что теория волшебства от их лишнего ожидания все равно ничего не потеряет...

– Я буду.

Буня удовлетворенно кивнул:

– Теперь вот что... Вы уже видели девицу, выловленную щупачом Бондарем?

– Да.

– И каково ваше мнение?

Свет, подумав, сказал:

– Девица в самом деле очень интересная. Такого типа ауры я в своей жизни еще не встречал, но сдаётся мне, что аура наведена.

– Иными словами, – сказал Буня, – эта девица может быть связана с лазутчиками.

– Может быть.

Буня задумался.

– У нее амнезия, – сказал Свет. – Возможно, потеря памяти тоже вызвана заклятьем.

– Вот как! – удивился Буня. – Тогда ею тем паче следует заняться. Коли память заклета, значит в ней есть что скрывать.

– Наверное, – сказал Свет. – Если амнезия не вызвана естественными причинами.

– А это возможно?

– Разумеется.

Буня вновь задумался. Лошади неторопливо постукивали копытами по мостовой. В заднее оконце были видна карета самого Света.

– Из ваших слов я понял, – сказал Буня, – что определенного мнения о характере заклятья у вас не сложилось. Не так ли?

Свет поморщился:

– Да, вы правы... С подобной аурой мне встречаться еще не приходилось, и потому однозначное заключение я бы дать поостерегся.

Буня шумно вздохнул: похоже, его такой ответ не устраивал.

– Ну в самом деле, – сказал Свет. – Что я мог понять? Чтобы сделать однозначные выводы, требуется поработать с подозреваемой в течение некоторого времени, понаблюдать за ее поведением, выявить стандартные реакции. На это пяти минут мало.

– Бондарь говорил что-то по поводу новой матери Ясны, – заметил Буня. – Что вы думаете об этом?

Свет снова поморщился:

– У Бондаря часто эмоции берут верх над рассудком. Потому он и волшебником не стал.

– А если он прав?!

Свет пожал раменами:

– Я не могу утверждать чего-либо определенного после столько краткого осмотра.

Буня задумчиво почесывал переносицу, устремив в боковое окно невидящий взгляд. И вдруг спросил, повернувшись к Свету всем телом:

– Вы еще не забыли дело графини Фридриксон?

– Нет, конечно. – сказал Свет. – Мне пришлось потратить на нее немало времени. И проявить немало гостеприимства.

– А не проявить ли вам гостеприимство и в нынешнем случае?

– Вы имеете в виду, что мне следует поселить эту девицу у себя?..

– А почему бы и нет?

Свет нахмурился:

– Вряд ли у меня сейчас достанет времени на необходимое с нею общение...

– Я думаю, от некоторых обязанностей вас можно было бы и освободить, – быстро сказал Буня. – И я мог бы поговорить об этом с министром и Кудесником. Полагаю, с подозрительными поработают другие чародеи-щупачи. К вам будут обращаться лишь в самых сложных случаях.

– А стоит ли уделять этой девице столько внимания? – Свет снова пожал раменами. – Даже если бы она оказалась связанной с лазутчиками...

– Если она окажется связанной с лазутчиками, ею займутся наши люди. Меня интересует другой вариант развития событий. – Буня положил ладонь на руку Света. – А что если перед нами действительно вторая мать Ясна? Вы ведь хорошо представляете себе, как нам нужна такая колдунья. Сколько зря тратится времени и средств на тех, кто оказывается пустышкой! Ведь с додолками каши не сварить.

Свет удивленно хмыкнул: об этой стороне дела он почему-то не подумал. А стоило бы... Помнится, Кудесник не раз говорил о том, как много потеряла Колдовская Дружина с исчезновением матери Ясны. Да и сам он тогда так считал.

– Что ж, пожалуй, вы правы...

– Мне бы хотелось, чтобы вы приняли ее уже завтра, – быстро сказал Буня. – И чтобы она чувствовала себя у вас как дома. Расходы вам возместят.

Свет кивнул:

– Хорошо, я отдам эконому соответствующие распоряжения. Если у вас все, я бы вышел здесь.

– У меня все. – Буня протянул было десницу, но тут же убрал ее. – Хотя нет... Есть у меня одно опасение. – Он помолчал. – Если она и в самом деле лазутчица, не облегчаем ли мы супротивнику задачу? Не подставляем ли своего лучшего шупача под удар?

Свет пожал раменами:

– Вряд ли! Вы ведь знаете силу, данную мне Семарглом.

– Силу, данную вам Семарглом, мы знаем. – Буня обреченно вздохнул. – Что ж, иногда приходится идти и на определенный риск.

– Да нет тут никакого риска! А если и есть, тем интереснее для меня будет эта гостья. Так что привозите.

– Ладно, договорились, – сказал Буня и дал знак кучеру остановить карету.

Свет пересел в свой экипаж и удовлетворенно потер руки. Все-таки фехтование изрядно облегчило ему сегодняшний день.

Исполать Семарглу, его ждал спокойный ужин. А после ужина – «Новое приишествие».

И даже Забава не сможет помешать ему в очередной раз пообщаться с Кристой.

4. Взгляд в былое: Забава.

Отца своего Забава ввек не знала.

Светозара Соснина, мать ее, была членом Ордена дочерей Додолы, и этим все сказано. Вполне возможно, что она и сама не ведала, от которого из своих кавалеров пригуляла ребенка. Впрочем, когда Забава была маленькой, этот вопрос ее совершенно не интересовал. Большинство подружек матери тоже были одинокими додолками, и вполне естественно, что их дети об отцах не вспоминали.

Когда Забаве исполнилось семь, Светозара Соснина утонула, купаясь в Онеге. Забаву приютил Орден. Она росла и воспитывалась в одном из детских приютов, организованных Орденом в Борисове-на-Онеге. Додолки научили ее грамоте и арифметике. Девочка была некрасива на личико, но опекающая ее мать Заряна разглядела в дурнушке будущую красу и решила, что наилучшей долей для сиротки во взрослой жизни будет работа горничной. Там, возможно, и парня какого-нибудь доброго встретит... Так мать Заряна говорила Забаве, и у девочки не было причин не верить опекунке.

Росла Забава смышленной и бойкой на язычок. Немудреную науку, требующуюся горничной для четкого исполнения своих обязанностей, постигала хорошо. А в невеликое свободное время, когда в приюте все было вымыто и убрано, когда младшие дети накормлены и уложены, а старшим разрешалось еще не спать, Забава с удовольствием читала сказки. Особенно ей нравились сказки о взрачных юных волшебниках, влюблявшихся в дурнушек и силой своего Таланта делавших своих избранниц писаными красавицами. Юные волшебники снились ей чуть ли не каждую ночь, беремьями бросались к ее ногам, тут же признавались в любви, и утренний петух прерывал сны на самом прекрасном месте – когда ее вели под венец.

В приюте, где жила Забава, юных волшебников не было (сироты мужеского пола воспитывались только в приютах волхвовата), но в конце концов роль волшебника выполнила природа. Забава расцвела на личико, приобрела стройную фигуру, с достаточным в нужных местах количеством округлостей. И узнала, что волшебники не женятся. После этого желание соблазнить волшебника превратилось у юной девушки в навязчивую идею.

Она и не догадывалась, что идея эта возникла у нее не самопроизвольно, что мать Заряна исподволь, осторожно внедряла это желание в пылкое сердце своей воспитанницы. Как не знала и того, что мать Заряна выполняла персональное задание предводительницы Ордена. Не ведала девица и о том, что в разных концах княжества такие забавы воспитывались в приютах додолок в немалом количестве. Когда Забаве исполнилось семнадцать, мать Заряна устроила ее горничной в одну из высокородных борисовских семей. Глава семьи не был волшебником, и смазливая статная горничная быстро привлекла его внимание. Забава была приучена к тому, что исполнение прихотей хозяев входит в прямые обязанности прислуги. И потому, когда через пару месяцев глава семьи зажал новенькую горничную в темном углу и принялся тискать ее тугие перси, Забава отнеслась к этому как к неизбежному злу, присущему ее работе. Она просто вырвалась из рук хозяина и пообещала рассказать о его притязаниях хозяйке. Та была ревливой мегерой, и хозяин тут же дал рукам окорот. Забава, однако, понимала, что, узнав о случившемся, хозяйка первым делом избавится от предмета, к которому вожделеет муженек. Поэтому выполнять данного хозяину обещания девушка вовсе не собиралась – работа ее куда как устраивала, платили хорошо, и времени свободного, которое Забава по-прежнему тратила на чтение (теперь уже романов о любви), было немало.

Прошло еще два месяца. Хозяин убедился, что супруга ни о чем не ведает, и легко понял, почему промолчала горничная. Осмелев, он снова взялся за свои притязания. Обжимашки в темных углах Забава переносила стойчески, но одна хозяин, застукав ее в кладовой, завадил горничную на старую кушетку и принялся задираить на ней юбки. Будучи физически креп-

кой, Забава молча отбивалась, рассчитывая выйти из пикового положения без особого шума. Однако хозяин оказался гораздо сильнее своей горничной, а Забава не собиралась предавать свою главную мечту. И потому, почувствовав прикосновение к своему животу его мерзкого упругого обнаженного корня, завопила так, словно ей вонзили острый нож.

Естественно, ревнивая хозяйка устроила жуткий скандал. За пределы дома он, правда, не вышел, но Забава вылетела оттуда с треском. Ей было обещано, что работы в Борисове она опосля случившегося ввек не найдет, что хозяйка лично позаботится об этом.

Мать Заряна встретила ее в приюте тепло, попеняла на неосторожность, поругала этих падких на сладкое высокородных жеребцов, которые хотят от молоденьких девушек лишь одного, пообещала найти воспитаннице работу в другом городе.

Забава умылась слезами на ее плече, а выплакавшись и успокоившись, уснула, так никогда и не догадавшись, что мать Заряна прекрасно знала наклонности бывшего хозяина своей воспитанницы (сама когда-то с ним спала, покудова ревнивица не застучала – потому и пришлось уйти в приют), и что работа Забавы у прелюбодея была всего лишь профессиональным испытанием.

Посмотрев, как улыбается во сне юная горничная, впервые столкнувшаяся с мужицкими притязаниями на ее тело, мать Заряна пошла сочинять письмо предводительнице Ордена. Вскоре предводительница узнала, что воспитанница матери Заряны успешно прошла испытание, не пожелав отдаться простому – пусть и высокородному! – смертному.

Через седмицу опосля возвращения в приют Забава узнала, что нашелся родной брат ее утонувшей матери дядя Берендей, служащий экономом у чародея Смороды.

Берендей и в самом деле был дядей Забавы, и это было матери Заряне известно очень давно – с тех пор, когда была еще жива утопленница. Знала она и о том, что Берендей проклял связавшуюся с додолками сестру, но характером отличается добрым и отзывчивым. Как ведала и о том, что Берендей Сосна женат на женщине с бесплодным чревом. И потому еще десять лет назад опекуна Забавы прекрасно просчитала все варианты.

В результате Берендею Сосне через третьих лиц было сообщено о существовании племянницы и о случившемся с нею конфузе. В результате восплававший родственными чувствами – весьма смахивавшими на отцовские – дядя Берендей поговорил со своим хозяином, зная, что с этой стороны невинности племянницы ничего не грозит. В результате Забава Соснина попала в столицу и принялась выполнять спланированное еще десять лет назад матерью Заряной задание, о котором не имела ни малейшего понятия.

* * *

Забава представляла себе нынешних волшебников совершенно не такими, каким оказался чародей Сморода. Он вовсе не был юн. Он вовсе не был взрачен. Он вовсе не собирался оказывать новой служанке косметические услуги – и не потому, что Забава в них не нуждалась.

Более того, он в конце дня был совершенно непереносим.

Однако многочисленные сказки и романы, читанные-перечитанные на сон грядущий, подготовили плодоносную почву. Зерна, посеянные в душу впечатлительного ребенка любимой воспитательницей, проросли. А горячие девичьи слезы, обильно залившие подушку в первый же вечер, заставили эти ростки взойти. К тому же, чародей Сморода носил то же имя, что и Забава мать, а боги никогда не допускают зряшных совпадений... Словом, на третий день после появления в доме чародея Забава намару втюрилась в нового хозяина.

Первое время она старалась не афишировать своей любви. Потребность заботиться заложена богами в каждую женщину. К тому же забота о хозяине входит в профессиональные обязанности любой прислуги. И потому Забаве было нетрудно скрывать зародившееся в ней чувство. Помогало и то, что глаза ее были покудова обычными. Но даже обычные глаза быстро

привлекут чужое внимание, когда при утренней встрече с хозяином в них загорается особое, присущее лишь влюбленным сияние, сияние, которое не гаснет потом целый день, а вечером – когда вы уже лежите в своей постели – превращается в жгучие слезы.

Шила в мешке не утаить. И потому Забава скоро стала замечать, как с подозрением поглядывает на нее дядя Берендей, как шушукаются за ее спиной слуги, как неодобрительно покачивает головой тетя Стася.

Лишь чародея не интересовало, что происходит с его новой служанкой. Он равнодушно встречал по утрам ее сияющий взгляд. Он не обращал ни малейшего внимания на то, что, подавая ему завтрак, обед или ужин, она слишком часто касается его плеча упругими персями. Он принимал ее восхищенные улыбки, как должное – ведь она была одной из служанок, а он членом палаты чародеев.

Поначалу отсутствие внимания к ней со стороны волшебника удивляло Забаву – по поведению предыдущего хозяина она уже прекрасно понимала, как действует на мужчину прикосновение женской груди. Потом странное равнодушие стало ее возмущать, и теперь она смотрела на чародея с вызовом, едва сдерживаясь, чтобы не нагубить. В конце концов и нагубила бы, кабы не страшилась, что он выгонит ее, и она уже больше ввек не увидит его, такого холодного, такого далекого, такого равнодушного... Выдержки ей хватило ненадолго. И начались слезы – в самое неподходящее время, безо всякой видимой причины, на грани истерики.

Вот тогда не выдержал и Берендей. Однажды вечером, когда Забава готовилась ко сну, он появился в комнате племянницы.

Глаза у Забавы опять были на мокром месте. Некоторое время Берендей кричал да хмыкал, не зная с чего начать: все его беседы с молодыми девицами ограничивались указаниями, где вымыть да что закупить в продуктовой лавке или на рынке. К тому же перед ним лежала плачущая племянница, и он в очередной раз пожалел, что боги не дали ему детей – тогда бы он знал, как с нею разговаривать.

– Послушайте, племяша, – начал он наконец. – Так дальше нельзя. Он вам не пара.

Забаву молчала, тихо плача в подушку. Берендей сел рядом, погладил племянницу по каштановой голове. И тогда Забава уткнулась ему в плечо и разрыдалась в голос, заливая горячими слезами рукав дядиного мухоярового кафтана. Берендей продолжал гладить ее по мягким волосам, пережидая, пока закончится истерика. Наконец рыдания стихли, и он повторил:

– Чародей вам не пара.

– Почему? – пробормотала Забава. – Разве высокородные не женятся на простых девушках?

Берендей снова крикнул и сказал:

– Высокородные женятся на ком хотят. В том числе и на простых девушках. Но чародей Свет не просто высокородный, он волшебник. А волшебники не женятся ни на ком.

– Почему? – спросила Забава.

– Да потому что им это не надо.

– Почему? – спросила Забава в третий раз.

– О боги! – воскликнул Берендей. – Нешто вы не знаете таких простых вещей?!

Забаву помотала головой.

– Да потому что ему нечего с вами делать в постели. Потому что в обычном смысле он не мужчина. Потому что все его силы уходят на волшебство.

Забаву оторвала от дядиного плеча. Глаза ее расширились, брови гневно изогнулись – ведь он посягнул на достоинство ее сказочных героев, ведь он хотел убить ее мечту.

– Я не верю вам! – крикнула она. – Вы просто не хотите, чтобы я поднялась выше вас! Не зря же вы ненавидели мою маму!..

Дядя Берендей встал с кровати. Ноздри его широкого носа затрепетали.

– Вы просто пустоголовая девчонка! – сказал он холодным голосом. – И воспитывала вас такая же глупая курица, как моя сестра. Я вам еще раз повторяю: чародею не требуется ваша любовь, а сами вы ему нужны токмо для того, чтобы подавать на стол да убирать дом. А потому выбросьте из головы блажь! Вам ввек не окрутить чародея Света – Додола над ним не властна. И если вы не успокоитесь, я собственноручно задеру на вас юбки и пройду шпандырем по вашему заду так, что вы ни сесть, ни лечь не сможете. Думаю, я имею на это право.

– Да уж! – сказала гневно Забава. – Право у вас такое есть! Вы ведь прекрасно понимаете, что это вам я обязана своей работой... Но даже если вы накажете меня, я вам все равно не поверю!

– Тьфу! – Дядя Берендей выругался и выбежал вон.

Через пять минут к Забаве пришла тетя Стася. Снова были слезы – на этот раз, правда, обоюдные, – снова были объяснения и уговоры. В конце концов Забава была вынуждена поверить, и тетя удалилась, вырвав из уст племянницы обещание, что та выбросит из головы «эту блажь».

Наутро выяснилось, что ничего не изменилось. Блажь выбрасываться не пожелала. Забава по-прежнему смотрела на хозяина сияющими глазами, но теперь сквозь это сияние просматривались упрямство и безысходность. За завтраком, подавая чародею тарелку с пшенной кашей, Забава опять коснулась его персями да так явно, что чародей недовольно обернулся и попросил служанку быть поосторожнее. Тогда Забава явилась убирать кабинет в тот час, когда хозяин там работал, чем вызвала новое неудовольствие с его стороны. Чародей даже попросил эконома напомнить прислуге, что наводить порядок в комнатах должно в его отсутствие.

Дядя Берендей и тетя Стася вновь были вынуждены провести со своей племянницей воспитательную беседу. Сила соломѹ ломит... В конце концов служанка перестала беспокоить хозяина, но всем, кроме чародея, было прекрасно видно, каких сил это ей стоит.

И когда у Забавы позеленели глаза, эконома, боясь, что переполненная Додолай девица наделает глупостей и будет изгнана из дома, засадил служанку на кухню и запретил ей появляться в тех помещениях, где она может столкнуться с чародеем. А когда племянница все-таки выскочила в трапезную, дядя собственноручно запер ее в чулане и продержал до вечера голодной, пообещав, что в следующий раз ослушницу засадят под замок до тех пор, покуда из ее глаз не исчезнет зелень.

Лишь тогда Забава сдалась. Она провела в кухонных работах первый месяц своего зеленца. Лишь одной Додоле были известны, что творилось у девушки на душе.

Дяде и тете было очень жаль племянницу, но что они могли поделать?.. Пытались обратить внимание Забавы на молодых парней-слуг, работающих в дневное время в доме чародея, но тщетно: Забаву не интересовал ни один мужчина, кроме чародея. Оставалось надеяться, что дело поправит великий лекарь сердечных ран – время.

Великий лекарь надежд не оправдал: на пятой седмице зеленца у Забавы случился нервный срыв. Два месяца она пролежала в больнице, вернувшись в дом бледной тенью той Забавы, что приехала в столицу. Но зеленец к тому времени прошел.

И хотя было видно, что со своей любовью Забава так и не справилась, теперь она уже могла встречаться с хозяином.

А когда тот сказал, что рад ее видеть, лицо Забавы изменилось так, что у Берендея от страха зашло сердце. Ему стало ясно: добром дело не кончится.

Но ничего не случилось. День проходил за днем, Забава держала себя в руках, и дядя стал надеяться, что следующий зеленец придет к племяннице, когда она уже излечится от своей блажи и влюбится в кого-нибудь более подходящего.

5. Взгляд в былое: век 75, лето 71, травень.

Первый день, проведенный в школе волшебников, запомнился Свету на всю жизнь.

По-видимому, привезли его в школу от Кудесника спящим, потому что дороги он не помнил, а проснулся уже в том помещении, которое стало его жилищем на долгие девять лет. В нем он находился и весь первый день.

Проснулся Свет от боли в спине. Обнаружил, что лежит совсем не в своей постели, а на чем-то очень жестком, и тут же все вспомнил. Конечно, он ведь не в Старой Руссе, он в Новгороде. Должно быть, уже там, где учат на волшебника. Ведь мама последние несколько дней твердила ему, что он теперь будет учиться не дома, а в столице, поелику на волшебников дома не учат.

Спать больше не хотелось. Хотелось узнать, где он оказался. Свет встал. Лежал он и в самом деле не на кровати. Странное деревянное сооружение, больше похожее на широкую скамейку, кроватью назвать трудно. Нет ни спинки, ни пухового тюфяка. Дома у него, правда, пухового тюфяка тоже не было – отец говорил, что княжескому сыну негоже нежиться на перинах, – но матрас все-таки был помягче и потолще.

Свет осмотрелся. Кругом камень. Низкий потолок, серые ничем не украшенные стены, слева от «кровати» и почти под потолком маленькое оконце, сквозь которое виден кусочек голубого неба. Да, на светлицу это жилище не похоже, каморка какая-то для слуг. В стене напротив – деревянная дверь. Свет хотел было броситься к двери, рассчитывая посмотреть, что за нею находится, но, не сделав и двух шагов, вдруг обнаружил: это ему совершенно не интересно. Либо коридор, либо другая комната – ничего другого там быть не может. И не нужны они ему вовсе. А нужна ему одежда.

Он продолжил осмотр. Под окном стол, у стола табурет, над столом, ближе к окну, газовая светильня. Справа от стола висит на стене пустая полка. Еще дальше маленький шкаф, похожий на платяной. Внутри – какое-то тряпье серого цвета, под шкафом – две пары башмаков. Ни обуви Света, ни его одежды нигде нет. А в каморке достаточно прохладно – вон уже и «гусяная кожа» появилась. Наверное, надо надевать то, что есть.

Свет снял с вешалок серое тряпье. Тряпье оказалось рубашкой и штанами, хоть и неказистыми на вид, но сразу согревшими озябшее тело. И вполне удобными – наверное, шили по снятым с него меркам.

За шкафом оказалась небольшая ниша, где разместился умывальник. Едва Свет умылся и вытерся висящим тут же полотенцем, не интересующая его дверь отворилась. В каморку вошел черноволосый худощавый мальчишка одного со Светом роста, одетый в такие же, как у Света, рубашку и штаны. В руках – прикрытый белой салфеткой поднос.

– Здравы будьте, новичок!

– Будьте и вы здравы!

– Отец Ходыня сказал, вы будете трапезничать здесь.

– Кто это – отец Ходыня? – спросил Свет.

– Отец Ходыня – наш пестун, – ответил мальчишка. – А мы его воспитанники. Вестимо, отец Ходыня будет нас воспитывать. – Мальчишка поставил поднос на стол. – Меня величают Репня Бондарь.

– Светозар Сморода. – Свет аккуратно повесил полотенце на вешалку. – Сын старорусского посадника.

Мальчишка покусал нижнюю губу, засмеялся:

– В школе волшебников живут лишь сыновья Кудесника. – Он посмотрел на развороченную «кровать». – А лежанку за собой положено заправлять.

Свету смех нового знакомого не понравился, и он хотел было затеять ссору. Но решил не связываться: ни к чему первый же день на новом месте начинать с драки. Да и отец просил его вести себя примерно...

– И как тут у вас, в школе волшебников?

– У нас тут нормально. Кормят лучше, чем в приюте. А теперь, опосля вашего появления, и учиться начнем.

– Опосля моего появления?

– Да. – Репня сдернул с подноса салфетку. – Вы седьмой воспитанник отца Ходыни. Волшебное число...

Свет ничего из этого объяснения не понял, но переспрашивать не стал. Посмотрел на поднос. Там были тарелка любимой им пшенной каши, большая кружка молока и черный хлеб с маслом. Сразу жутко захотелось есть.

– Не буду вам мешать. – Репня ушел.

Свет с удовольствием позавтракал. После завтрака ему стало грустно, и он немножко поплакал. Потом заправил лежанку. На его взгляд, получилось вполне прилично, хотя мамки, наверное, заправили бы лучше.

А потом снова пришел Репня. Но на этот раз он был не один. Вслед за ним в каморку вошел высокий дядька в голубой одежде. Одежда была Свету знакома: в такой ходил брат Вольга, настраивающий у отца волшебное зеркало. И вообще такую одежду носили колдуны – Свет это знал.

– Здравы будьте, мой мальчик!

– Будьте и вы здравы, дядя!

Репня громко хмыкнул, собрал со стола грязную посуду и ушел.

– Воспитанники величают меня отцом Ходыней, – сказал волшебник, садясь на табурет. – Так будете величать меня и вы, Свет. Согласно закону, вы зачислены в школу колдунов, будете учиться волшебству.

– А если я не захочу?

Отец Ходыня строго сдвинул брови:

– В этом ваш долг. Разве вам не говорили об этом?

Свет вздохнул:

– Говорили.

– Вот и хорошо. – Отец Ходыня не улыбнулся, но брови его разошлись. – Сегодня вы проведете день в своей келье. Трапезничать вам принесет Репня – с ним вы уже познакомились.

– А выходить отсюда нельзя? Тут скучно.

Отец Ходыня встал с табурета:

– Скоро вы забудете, что такое скука. А выходить вам и не захочется.

Отец Ходыня оказался прав. Едва он вышел, Свету совершенно расхотелось покидать келью. Вот минуту назад, когда отец Ходыня сидел на табурете, хотелось – да еще как! – и уже все хотение прошло.

Но скука осталась. И потому, когда Репня принес ему обед, Свет встретил его как старого друга.

– Скучаете? – спросил Репня.

Свет кивнул.

– Ничего, – сказал Репня. – Настанет вечер, пойдете на молебен. А завтра все будет нормально. Здесь так всех новичков встречают.

Много позже Свет узнал, что новичков встречают так для того, чтобы обострить их естественное детское любопытство, которое поможет им легче пережить начальный период разрыва с домом. Но тогда он этого не знал. И потому сказал:

– Плохо встречают.

Репня покусал нижнюю губу:

– Не умрете. Я вот не умер... Вы почти сразу учиться начнете, а я уже три месяца жду, покудова семерка наберется. Я у отца Ходыни первый.

И снова Свету захотелось с ним подраться.

– У вас тут дерутся?

Репня в ужасе вскинул руки:

– Что вы!.. Мы раз с Олегом в трапезной подрались, так нас на три дня посадили в карцер на хлеб и воду. Отец Ходыня говорит, что будущим волшебникам следует учиться сдерживать в себе Перуновы желания.

На хлеб и воду Свету не хотелось. Тем паче когда вас ждут щи из щавеля и голубцы.

– Ну я пошел. – Репня направился к двери. – А то отец Ходыня не велел мне с вами разговаривать. Кстати, выходить не пытайтесь, на дверь наложено заклятье. – Репня исчез.

Это было интересно, и Свет, тут же забыв об обеде, попытался подойти к выходу. Ничего не получилось. У двери ему было делать совершенно нечего, и ноги не собирались туда шагать. А тело не собиралось ползти. Поневоле пришлось заняться щами да голубцами.

Репня приходил в келью в этот день еще трижды, болтал обо всякой чепухе, но изнывающего со скуки Света его болтовня приводила в восторг. Когда Репня унес грязную посуду после ужина, Свет с нетерпением стал ждать обещанного молебна.

Отец Ходыня зашел за ним, когда небо в окошке уже стало чернеть.

– Пора на молебен, мой мальчик. Перед отходом ко сну у нас принято воздавать хвалу Семарглу.

Исполать Сварожичам, молиться Свет уже был научен. Дома по вечерам тоже молились, кланялись стоящему в углу кумиру Сварога, благодарили Дажьбога и жену его Мокошь за жизнь и прожитый день, вспоминали и других богов. Кроме Семаргла. Мама говорила, что Семаргл не любит, когда ему молятся простые люди. Он не их бог, у него даже жены нет. И потому Свет спросил:

– С какой стати Семарглу? Он не мой бог.

– Отныне он ваш бог. – Отец Ходыня погладил Света по голове. – Семаргл – повелитель и защитник всех волшебников.

С отцом Ходыней Свет преодолел дверь своей кельи безо всяких сложностей. Они шли по скудно освещенным газовыми светильнями коридорам. Вдоль коридоров тянулись деревянные двери. Из дверей выходили люди: мальчишки в серых рубашках и штанах, подростки в темно-синих одеждах, похожих на халаты, мужчины в таких же балахонах, но голубого цвета. Все двигались в одном направлении.

Вскоре Свет с отцом Ходыней оказались в большом полутемном зале. Вошедшие в зал поворачивались в одну сторону и становились на колени. Опустился на колени и Свет.

У дальней стены зала, на небольшом возвышении, стоял кумир бога в голубых одеждах. Лицо кумира было удивительное – не строгое, как у Дажьбога, и не злобное, как у Перуна; не мрачное, как у Велеса, и не веселое, как у Ярилы. Лицо этого бога было *доброе*. Доброту излучали его глаза, ею дышала каждая черточка божьего лица.

Свет был потрясен. Чего-чего, а добрых лиц у богов и богинь он не видел никогда – ведь боги призваны карать за грехи или помогать людям, но отнюдь не любить их. А то, что этот бог любит его, Свет понял сразу, хотя ему и было всего лишь девять лет: ведь таким же взглядом смотрела на Света иногда мама.

Потрясенный Свет даже не заметил, как началась проповедь. И лишь потом обнаружил, что в зале звучит мощный голос человека, облаченного в оранжевые одежды волхва. Правда, многие слова из проповеди были непонятны, и потому Свет тут же перестал его слушать. Он смотрел в лицо Семарглу и словно бы растворялся в этих добрых глазах, уносился куда-то далеко-далеко без надежды на возвращение...

В реальность его вернул громовой бас волхва:

– Да взлелеем же в сердце своем Семаргла, братие и воспитанники! Да уьем в себе Додолу!

Волхв повернулся к молящимся, вскинул руки. И все присутствующие тут же отозвались:

– Да взлелеем в сердце своем Семаргла! Да уьем в себе Додолу!

Еще дважды гремел по залу голос волхва, и дважды откликались молящиеся. На второй раз, охваченный чувством единения со всеми, пропищал и Свет:

– Да взлелеем в сердце своем Семаргла! Да уьем в себе Додолу!

Через много лет, когда положение в Колдовской Дружине позволило ему знать многое из того, чего не знают простые мужи-волшебники, Свет выяснил, что кумиры Семаргла закланы таким образом, чтобы вызывать особое чувство только у людей, отмеченных искрой Таланта.

За девять лет учебы в школе волшебников, с постепенным повышением своей квалификации, Свет перестал испытывать это чувство. Зато он научился понимать пересыпанные специфическими терминами проповеди. Проповеди эти были разными – в зависимости от того, что происходило в прожитый день. Позже, когда он стал мужем-волшебником, ему пришлось бывать на еженедельных богослужениях, проводимых в храме Семаргла самим Верховным Волхвом Бояном IV. Проповеди Верховного Волхва тоже были разными. Но во все времена любые проповеди заканчивались одними и теми же словами:

– Да взлелеем в сердце своем Семаргла! Да уьем в себе Додолу!

6. Взгляд в былое: век 75, лето 69, вересень.

Рубежник Микула Бондарь с младых ногтей внушал своему отпрыску две вещи, в которые твердо верил сам. И потому к восьми годам Репня Бондарь столь же твердо знал: а) мать его Лада и сестра Купава – женщины и как всяких женщин их необходимо любить, уважать и защищать; б) волшебники – единственные счастливые в этой жизни люди. Первый постулат был законом для большинства словенских мужчин, а второй стал естественным выводом для словенского рубежника, у которого содержанием всей жизни была работа и который был не слишком близок даже к дюжинным людям.

Семья рубежника жила на одной из дальних застав Южного Урала. Граница княжества проходила в нескольких сотнях саженей от избы, где жили два Бондаря и две Бондаревы. Впрочем, самого Микулы в тот раз дома не оказалось: он уже несколько дней находился верстах в пятидесяти от семьи, на другой заставе, куда получил новое назначение. Через день-другой он собирался прислать за женой и детьми экипаж.

Однако вместо экипажа пришли ордынцы. Это была первая из серии провокаций, затеянных в то лето Ордой на юго-восточных рубежах княжества. Нападение на заставу было хорошо подготовлено и прекрасно спланировано. Конная полусотня вырезала рубежников в течение десяти минут.

Впрочем, о десяти минутах Репня узнал много позже. А в ту ночь они проснулись от сухого треска выстрелов. Восемилетний Репня уже прекрасно разбирался в оружии – как-никак сын рубежника! – и сразу узнал голоса ордынских «чингизов». Голоса звучали солидно и во множестве. Пару раз, правда, им ответили и словенские «онеги», но быстро затихли. Конечно, мушкет «чингиз» по сравнению с винтовкой «онега» выглядит дедушкой, но когда этих дедушек вдсятеро больше, а стрелять надо в упор, недостатки мушкетов как-то скрадываются...

В избы Бондаря ворвались пятеро. Молодые уверенные в себе ордынцы, все как один чернявые и узкоглазые – чистопородные монголы, сильные, опытные. Пока они ломали дверь, мама успела запихать перепуганного Репню в шкаф. Купава вскарабкалась на чердак. Дверца в шкафу оказалась закрытой не полностью, но Репне поначалу ничего не было видно. Он только понял, что зажгли светильню: по стоящей напротив шкафа родительской кровати побежали неверные тени. А потом грубый голос спросил по-словенски:

– Где мужик?

– Нет его, – сказала мама. – На другой заставе.

По-видимому, незваные гости знали это, поелику искать не стали.

– А щенки где? – спросил тот же голос.

– С отцом, – ответила мама.

Незваные гости загоготали, заговорили меж собой по-ордынски.

– А что, ягодка? – сказал грубый голос. – Холодно спать без мужика?.. Так и быть, я его заменю. Скидайте одежду. Попробуем, сколь вы сладки.

Наверное, мама не поспешила выполнить приказ, поелику тут же послышался треск раздираемой материи. А потом Репня увидел в щель мамино обнаженное до пояса тело. В поле зрения появились двое ордынцев. Они держали маму за руки. Мама смотрела в сторону шкафа – Репне показалось, она глядит ему прямо в глаза – и что-то беззвучно шептала. Ордынцы содрали с ее стегон остатки разорванной ночной рубашки и опрокинули маму на кровать. А потом Репня увидел еще одного ордынца. Ордынец был без штанов. Внизу живота у него торчала огромная коричневая изогнутая, болтающаяся из стороны в сторону палка. Ордынец сказал грубым голосом: «Послушная, ягодка», – упал на маму, схватил ее за волосы. Репня зажму-

рился, ожидая, что сейчас случится что-то страшное, и страдая от собственного бессилия: ведь он должен был ее не только любить и уважать, но и *защищать*.

Но страшного не было. Похохатывали ордынцы, переговаривались меж собой гортанными голосами, да слышалось чье-то шумное дыхание. И тогда Репня не выдержал и открыл глаза.

Голый ордынец прыгал на маме, поднимая и опуская задницу. Мама лежала тихо, повернув голову влево и глядя на шкаф. Нижняя губа ее была закушена, шуйца свисала с кровати до полу. Ордынец прыгал все быстрее. И тут мама вдруг облизнула языком губы и закрыла глаза. Репня подумал, что она сейчас умрет, и от ужаса затаил дыхание. Но мама снова облизнула губы и вдруг заурчала, как урчал списанный по ранению со службы и с тех пор ошивавшийся при кухне пес Полкан, когда повар Бермята давал ему свежую кровь. А потом мамина рука поднялась с пола, схватила ордынца за спину. Мама задергалась под ордынцем, закинула ему на задницу ногу. Репня услышал ее визгливый, какой-то ненормальный – такого он ввек не слышал – голос:

– Еще-о-ох!.. Еще-о-ох!

И понял, что прыганье ордынца маме приятно. Открытие это так поразило его, что он чуть не вылез из шкафа, желая понять, отчего же маме приятно. Но побоялся.

Ордынец содрогнулся, перестал прыгать. Другие загалдели громче. Ордынец слез с мамы, палки внизу его живота уже не было, там висел такой же, как у Репни, токмо большой и мокрый корень. А потом на маму взобрался другой ордынец...

Много позже, уже став взрослым, Репня понял, почему мать не сопротивлялась, когда ее насиловали. Она рассчитывала, что изверги насытятся ее телом и уберутся из избы. И таким образом Купава избежит поганных ордынских лап. Понять маму Репня понял, но ее визгливого: «Еще! Еще» – не простил никогда.

Тем паче что уловка не помогла. Грубый ордынец надел штаны и приказал осмотреть чердак. И тогда мама, корчащаяся под другим ордынцем, завывала. А потом завизжала, как задавленная собака, Купава.

Репню тоже нашли. Но не тронули.

– Пусть щенок живет, – сказал грубый ордынец. – Пусть запомнит нашу силу. – Он рассмеялся. – Его мать и сестра оказались сладкими ягодками. Странно, но язычницы присно хороши в постели. Может, им помогают в этих делах их многочисленные боги.

Ордынцы убрались. А Репня сидел рядом с еще теплыми телами, гладил мамины и Купавины волосы, старался не смотреть на их вспоротые животы. Плакать он не мог, и взгляд его так и привораживала картина, на которую он не хотел смотреть.

Вскоре подоспела помощь с соседних застав и близлежащего города. Ордынцев выбили за пределы территории княжества. Репню подобрали, пообещали, что отец заберет его через день-другой.

Но отец за сыном не приехал. Он был убит в те же часы, когда ордынские собаки терзали плоть его жены и дочери: на новую заставу Микулы Бондаря тоже было произведено внезапное нападение. Репню подобрали волхвы, поместили в детский дом при Южноуральском волховате. А через два года в нем проснулся Талант, и его перевели в школу волшебников.

Ни волхвы, ни пестуны понятия не имели, какую печать наложила на восьмилетнего ребенка увиденная им сцена изнасилования матери. Они предполагали, что случившееся породит в душе сироты ненависть к ордынцам.

Репне часто снилась та ночь. Но он просыпался не от того, что видел вспоротые женские животы и мертвые глаза матери и сестры. Репня просыпался в холодном поту от того, что снова и снова раздавался в его памяти визгливый мамин – и не мамин – голосок: «Еще! Еще!» И снова и снова видел он скребущие по спине насильника-ордынца мамины нежные пальчики.

Через много лет посеянные в душу ребенка зерна ненависти и ревности проросли.

7. Ныне: век 76, лето 2, червень.

Гостью привезли в половине девятого.

Свет уже закончил в тренировочном поприще очередное сражение с духом Перуна и успел принять душ, когда Берендей доложил ему о прибытии Веры. И хотя у чародея не было ни малейшего желания до завтрака заниматься государственными делами, однако, помня о просьбе Буня Лаптя, он решил поступить вопреки своему желанию.

Гостья выглядела одинокой и незащищенной. Она стояла посреди сеней, прижав руки к груди, и широко открытыми глазами смотрела на спускающегося по лестнице Света. Похоже, она никак не ожидала такого поворота в своей судьбе. Или делала вид, что не ожидала...

На ней было все то же вчерашнее рубище, и прислуга встретила гостью с плохо скрытым удивлением. Однако невежливый реплик никто себе не позволил: Свет уже успел предупредить челядь. Даже Забава держала язычок за зубами.

Спустившись, Свет подошел к паломнице, с большим трудом – мышцы едва ли не отказывались совершать непривычную работу – изобразил на лице улыбку и проговорил:

– Здравы будьте, девица!

Паломница, похоже, проглотила ком, стоящий у нее в горле, и ответила:

– Будьте... и... вы... здравы... – Как будто произносила вызубренные без понимания слова незнакомого ей языка. И после некоторой паузы добавила: – Чародей...

Свет сделал вид, что не замечает замешательства паломницы, и, повернувшись к прислуге, сказал:

– Вера будет в течение некоторого времени моей гостьей. Прошу любить и жаловать!

Он с удивлением заметил, каким взглядом одарила «гостью» Забава. Словно раненая волчица охотника...

О Сварожичи, сказал он себе. Кажется, мой разговор с нею был полностью бесполезным. Сколь же велики заблуждения людские! И сколь велики заблуждения женщины!..

Впрочем, ему тут же пришло в голову, что подобное отношение служанки к гостье может стать и полезным. В любом случае это будет дополнительный материал для наблюдений и выводов.

– Забава! – сказал он. – Проводите Веру в гостевую. Надеюсь, там все готово?

– Там все готово. – Забава произнесла эти слова самым мирным тоном, но ухо Света уловило в них малую толику раздражения.

Впрочем, возможно, он и ошибался, потому что Забава тут же – дружеским жестом – взяла гостью за руку и повела за собой.

Свет с Берендеем поднялись в кабинет.

– Полагаю, нашей гостье потребуется одежда? – спросил эконо.

– О Велес! – воскликнул Свет. – А ведь я и не подумал об этом!.. Конечно же потребуется. Сегодня же найдите портного, и чтобы к ужину у нее было платье.

– Портной у меня есть, – сказал Берендей. – Сколько платьев нужно заказать?

– И в самом деле, – удивился Свет. – Ведь одного же ей будет мало...

– Несомненно! Такой девушке мало будет и трех!

– Нет уж! Три, и ни платьем больше.

– А домашние?

– Разумеется, – согласился Свет. – Двух хватит?.. Кстати, не забудьте о неглиже. – И поразился, с какой легкостью сорвалось с его языка новомодное франкское словечко. – Вызовите приказчика из одежной лавки и закажите все необходимое. – И вспомнив просьбы Буня Лаптя, добавил: – Денег не жалеете. Пусть она чувствует себя, как дома.

– А кто она такая? – спросил удивленно Берендей.

– Этого я вам сейчас сказать не способен... Но выходить из гостевой она сможет только в сопровождении вас или Забавы. Я наложу соответствующее заклятие.

Эконом понимающе кивнул головой:

– Где она будет трапезничать?

– Вместе со мной, разумеется...

Тут Свету пришло в голову, что девица, одетая в рубище, вряд ли будет чувствовать себя как дома за одним столом с чародеем.

– Когда ей сошьют платье, будет трапезничать за моим столом, а пока подавайте ей в гостевую. Предварительно поинтересуйтесь, какие блюда она предпочитает.

По-видимому, Берендей вспомнил о предыдущей гостье этого дома, потому что больше не удивлялся. Даже не спросил, когда доставят личные вещи нынешней.

Зато осмелился поинтересоваться:

– Вы не делаете ошибки, приставив к ней Забаву?

– Нет, – сказал Свет. – Вы свободны! Велите подавать завтрак!

* * *

Два часа, проведенные Светом в Институте истории княжества, оказались не слишком плодотворными. Полной потерей времени они, конечно, не стали, но и новых знаний не добавили.

Найденный при раскопках шелом и в самом деле принадлежал когда-то князю Ярославу Владимировичу. Свет свершил над находкой волшебные манипуляции, и ум его впитал в себя те события, которые пережил князь, когда носил найденный шелом. Происходило это в начале 66 века от сотворения мира (около 1015-1020 гг. А.Д.) – в период, который уже был в некоторой степени очищен от более поздних летописных искажений.

Но с другой стороны, это доказывало подлинность обнаруженной реликвии. А поскольку вновь полученное знание подтверждало обретенное ранее, подлинная летопись начала второго христианского тысячелетия могла считаться окончательно восстановленной.

Великий князь Киевский Владимир Красное Солнышко действительно умер в христианском 1015 году. Престол занял его сын Святополк. Сердце киевлян не лежало к новому князю, они бы хотели жить под братом его Борисом, ходившим в ту пору с ратью на печенегов. Но Борис не пожелал поднять десницу на старшего брата. В благодарность Святополк подослал к Борису наемных убийц. Следом убил он и еще одного своего брата, князя Древлянского Святослава, а вот с третьим братом, Глебом Муромским, его постигла полная незадача. Глеб изловил подосланных к нему убийц и, собрав рать, выступил против Святополка. Судбина хоть редко, но порой наказывает злодеев, и братоубийца получил наконец свое. А Глеб сел на киевский престол.

Ярослав в это время княжил в Новгороде и подумывал, в случае неудачи Глеба, сам расчитаться со Святополком за смерть братьев, планируя после победы собрать под свою десницу всю Русь. Победа Глеба изменила его планы. Размышляя над происшедшим, Ярослав понял, что на фундаменте заимствованной религии объединить страну удастся не скоро. Однако он прекрасно понимал и другое: разнузданное язычество – тоже слабый клей для создания единого народа. А потому, отказавшись от проведенного отцом крещения, не вернулся и к полному язычеству. Верховным богом был провозглашен свой бог – Сварог, но ввести полный монотеизм Ярославу не удалось – народ не желал отказываться от других своих богов. Ярославу хватило ума не хвататься за меч.

В результате к 1040 году на основе нового Пантеона – некоего симбиоза язычества и монотеизма – на севере Русской равнины возникло единое государство Словенское, столицей коего стал Господин Великий Новгород, а Ярослав Владимирович получил в народе про-

звище Мудрый. Справедливости ради, надо сказать, что сын его Всеволод Ярославич, а особенно внук Владимир Всеволодович – неоднократно мыслили приобщить крещеную Киевскую Русь к своей вере, но вместо этого им пришлось заниматься отражением крестовых походов, кои сообразительные и предприимчивые папы римские, понимавшие, что за враг появился на северо-востоке Европы, начали собирать уже во второй половине XI века. В конце концов западноевропейские рыцарские полчища стали тем молотом, который на наковальне местной веры и выковал страну, уже почти тысячу лет растущую и набирающуюся сил, ведомую в будущее Рюриковичами – потомками Ярослава Мудрого. Во всяком случае, когда в первой половине XIII века из просторов Центральной Азии в Европу явилась орда, ведомая монгольскими ханами Темучином, а позже Батыем, и быстро захватившая государства Средней Азии и раздробленную Киевскую Русь, на границах Великого княжества Словенского ей устроили теплую встречу, навсегда отбившую у татар желание заглядывать севернее Дебрянска и Менеска. А в самом конце века нашествия Святослав III и вовсе загнал орду назад, в азиатские степи.

Второй особенностью Словенской Руси – в отличие от христианских стран того времени – стало то, что Сварог и Сварожичи поощрительно относились к волшебству и волшебникам. Более того, в начале становления волхвовата сами волхвы в большинстве своем были волшебниками. В результате в землях Словенских возникла особая культура, резко отличающаяся от остальной Европы и своими достижениями в колдовских науках быстро заставившая церковь христову изменить свое негативное отношение к ведьмам и магам – ведь с чужими волшебниками способны бороться только такие же волшебники.

Колдовская наука проникала во все области жизни, волшебники начинали играть в делах общества все более и более важную роль, и закономерным итогом этого процесса стало формирование еще одной ветви власти – наряду с волхвоватом и воинством – Колдовской Дружины. Конечно, католический мир не мог спокойно взирать, как на севере Русской равнины набирает силу нехристианская страна. Этнические процессы одной силе всегда противопоставляют другую, и у границ Словенской Руси быстро сформировались два мощных государства – Скандинавская империя севернее Варяжского моря и Польское королевство – юго-восточнее.

И лето за летом, век за веком проходили в постоянных схватках, развивающих военное искусство и волшебную науку...

Впрочем, академик Роща воспринял отчет Света без разочарования.

– В исторической науке любое знание бесценно, – сказал он, и Свету ничего не оставалось как согласиться.

– В очередной раз восхищен вашим Талантом, – продолжал академик, – и радуюсь, что он проникает лишь в достаточно отдаленное прошлое. Иначе не видать бы мне от вас помощи, как своих ушей.

– Я и сам этому рад, – сказал Свет. – Если бы я был способен проникать умом во вчерашний день, то сыск и министерство безопасности завалили бы меня уликами с мест преступлений по эти самые уши.

8. Взгляд в былое: Забава.

Тоска для Забавы стала привычным ощущением.

Убирала ли она комнаты или подавала чародею на стол, ложилась ли спать вечером или вставала рано утром, в душе ее не было и капельки веселья. Рана-то на сердце постепенно поджила, перестала саднить, но зато душа превратилась в какой-то комок, бесформенно-тяжелый, бессмысленно-пустой, не дающий радоваться молодости и жизни...

Особенно донимала Забаву тоска в банный день. После парилки, посиживая с домочадцами на свеженьких простынках в предбаннике и попивая квас, Забава всякий раз была вынуждена переносить их неумеренные восторги. Ольга без устали восхищалась ее телом и предлагала вознести хвалу Додоле за то, что она одарила Забаву подобным богатством. Не отставала от нее и тетя Стася. Она тут же заводила разговор о том, что богине семьи одной хвалы мало – Додоле нужно, чтобы подобное богатство не пропадало за ненадобностью. И кстати, не один мужичок уже готов наложить на это богатство свою лапу. Конечно, тетя Стася не произносила в точности таких слов, но Забаве казалось, что при том смысле, который имела в виду тетя, именно они и должны были звучать.

Забаву растирала простыней свой плоский живот, смотрела на свои круглые стегна и упругие высокие перси с небольшими розовыми сосками и думала о том, что единственного мужичка, которому она позволила бы наложить на это богатство свою лапу, оно, богатство это, интересует так же, как ее, Забаву, – строительство новой христианской церкви в столице. Кажется, строят такую где-то в Волотово. Или в Савино?..

А Ольга восторгалась все безудержней, а тетя усиливала свой нажим. Вот такой-то – справный парень, из приличной семьи, и детей любит... Или вот этот – тоже ничего! Приходилось отвечать, опосля чего тетя обижалась и больше о возможных Забавиных женихах не заикалась. До следующего банного дня...

Разумеется, Забаву и саму интересовала собственная судьба. И не токмо в банный день. Ее очень пугал очередной зеленец, который наступит в следующем году. А то, что он наступит, сомневаться не приходилось: ведь боги создали женщину не токмо для того, чтобы влюбляться, но и для того, чтобы рожать детей. Вернее, не так: боги создали женщину для того, чтобы она, влюбляясь, рожала детей. А не сходила от любви с ума...

Забаве было страшно. Она прекрасно понимала, что когда придет зеленец, ей не составит больших трудов найти мужчину и заманить его к себе в постель. У мужчин, правда, глаза цвета не меняют, но ведь всем известно, что зеленец у них длится всю сознательную жизнь... Но она также понимала и другое – разрешится она через девять месяцев от бремени не дитем любви, но пасынком. А пасынков боги нередко наказывают за грех их родителей...

Вот тут Забаве и пришло впервые в голову, что мать ее когда-то согрешила – ведь все остальные боги относятся к безмужности совсем не так, как Додола. И что происходящее с ней сейчас – лишь расплата за грех, совершенный когда-то Светозарой Сосниной. Разве несчастная любовь – не божье наказание?.. А божье наказание люди должны принимать безропотно...

Но душа ее бунтовала. И Забава давно бы уже сходила в храм Додолы и помолилась богине, попросив ее поразить сердце равнодушного слуги Семаргла, но ведь мать Заряна не раз говорила ей, что Додола ввек не помогает тем, кто не способен обольстить мужчину самостоятельно, – в таких женщинах нет духа Додолы, и они не пользуются ее покровительством.

А кроме как от Додолы, ждать помощи было неоткуда. И потому Забава решила безропотно нести на своих раменах выпавшее ей божье наказание. А если такая жизнь приведет ее к сумасшествию – что ж, на все воля богов! К тому же, Додола не бросит свою дочь, если та не сдастся, рано или поздно богиня поможет ей сломить упрямство того, кому Мокошь предпре-

делила быть возлюбленным Забавы. Тем паче, если «безропотно нести выпавшее наказание» означает еще и добиваться от суженого ответного чувства.

Так решила Забава. И в один из вечеров сделала первый шаг.

В тот вечер была не очередь Забавы нести хозяину вечерний чай, но Забава воспользовалась тем, что Ольга припоздала, и, схватив на кухне поднос, помчалась наверх.

Свет даже и не заметил, что с подносом явилась не та служанка – скорее всего, он и не знал, кто должен подать ему вечерний чай.

– Благодарю вас! – раздраженно сказал он, когда она поставила поднос на стол. – Я сам налью. Вы свободны.

Забавы стояла справа от него, переминаясь с ноги на ногу. Наконец Свет осознал, что рядом с ним по-прежнему кто-то находится, и поднял на служанку удивленные глаза.

– Я ведь вам сказал, что...

Свет не договорил, потому что Забава стремительным движением расстегнула на кофточке две пуговицы и обнажила левую персь, нацелившуюся на хозяина отвердевшим розовым соском.

– Возьмите меня, – прошептала Забава. – Я люблю вас.

Лицо Света вдруг перекошилось.

– Уберите эту... это, – сказал он. (Забаве показалось, что он едва не выговорил «эту гадость».) – Я вас больше не задерживаю. И передайте эконому, чтобы зашел ко мне, как освободится.

Забавы отшатнулась, пристыженно опустила голову, спрятала грудь в наперсенник и застегнула пуговицы. Потом подняла на хозяина поблескивающие не скатившимися слезинками глаза и прошептала едва слышно:

– Не надо говорить эконому. Вы можете выгнать меня и сами. Скажите, и я передам дяде.

На этот раз чародей Свет посмотрел на служанку с любопытством:

– Ах да, вы же племянница Берендея!..

Будь в его взгляде хоть толика мужского интереса, Забава бы немедленно повела раменами, выпятила в сторону хозяина перси, но во взгляде чародея было что угодно, опричь интереса к ней как к женщине, и Забаве оставалось лишь смиренно слушать.

Свет даже не встал из-за стола.

– Я не собираюсь выгонять вас. И вашему дяде ничего говорить не собираюсь. – Он поморщился. – Я не понимаю ваших чувств, но знаю, что они возможны среди людей. Я прощаю вас, хотя вы мне и помешали. – Он снова поморщился.

Забаву бросило в жар. Уже из его «Ах да» она поняла, как мало значит ее любовь для этого человека, но гримаса его была просто убийственной: так морщатся, съев лимон либо попробовав прокисший суп. Или увидев что-либо уродливое... Уж лучше бы он дал ей пощечину!

Забавы выпрямилась, закусила губу.

– А я не нуждаюсь в вашем прощении! – не выдержала она. – Так что можете меня выгнать!

Она повернулась и, не оглядываясь, вышла из кабинета.

Расплаты она ждала со страхом, но без сожаления: в конце концов, чему быть – того не миновать. Однако расплаты не последовало. Ни в тот вечер, ни на следующий день дядя не объявил ей хозяйскую волю. Более того, он даже не сделал ей выговора за несдержанность.

И Забава поняла, что все случившееся между нею и Светом чародей решил не выносить из кабинета. Но больше подобных скоропалительных предложений она ему не делала. Просто старалась почаще бывать у него на виду – если, конечно, позволял этикет взаимоотношений между служанкой и хозяином – да, проходя мимо дверей кабинета, если хозяин пребывал там,

мысленно обращалась к нему: «Я же люблю вас! Неужели вы и в самом деле не понимаете, что это такое? Ведь вы же волшебник!»

День проходил за днем, но ничего в жизни Забавы не менялось. Повидимому, звание «волшебник» оказывалось недостаточно серьезным для того, чтобы хозяин влюбился в свою служанку.

9. Взгляд в былое: век 75, лето 71, липец.

На первом же уроке по теории колдовства выяснилось, что отец Ходыня является не только пестуном, но и учителем. Что он способен не только следить за тем, чтобы воспитанники вовремя умывались и трапезничали, учили уроки и укладывались почивать, но и способен укрепить в своих воспитанниках Талант и развить его. Впрочем, совсем не этим открытием запомнился Свету тот, первый урок.

Пестун привел их в свою келью, всех семерых своих воспитанников. Усадил на простую деревянную скамейку, велел подождать и вышел.

Воспитанники с любопытством крутили головами. На одной из стен висела обычная школьная доска, только раза в три меньше, чем в классах, где учили арифметике, языку и прочим общим наукам. Зато место на остальных стенах занимали полки, уставленные коробочками, баночками, корзинками. Под потолком висело чучело летучей мыши. Репня Бондарь немедленно сунулся к одной из полок, намереваясь заглянуть в ближайшую банку, но отец Ходыня помешал этим поползновениям.

Он вошел в келью, неся в руках накрытый покрывалом странный предмет, который, после того как пестун поставил его на стол и снял покрывало, оказался круглой деревянной клеткой – на манер птичьей. Но в этой клетке сидела кошка – правда, не черная, а серая. Она равнодушно оглядела мальчишек сквозь прутья зелеными глазами и, свернувшись в клубочек, замурлыкала.

– Что ж, мальчики мои, – сказал отец Ходыня, – сегодня мы непосредственно приступаем к тому, ради чего вас сюда собрали. Первое, что вам следует себе уяснить – колдовская наука является одним из китов, на которых держится могущество и благополучие любого развитого государства. А потому она требует к себе чрезвычайно серьезного отношения. Обыкновенное мальчишеское любопытство – это не то, на чем зиждется колдовство. – Отец Ходыня строго посмотрел на Репню Бондаря. – Колдовство зиждется на трудолюбии и чувстве ответственности, а чувство ответственности не позволяет воспитаннику совать свой нос туда, до чего он еще не дорос... Бондарь!

Репня встал, виновато глядя на пестуна. Отец Ходыня подошел к полке и взял в руки банку, на которую покушался Репня. Открыл крышку, поднес банку к воспитанникам.

– Любопытные могут посмотреть.

Любопытными оказались все. Заглянул, разумеется, и Свет: интересно ведь. Банка была полна какого-то серебристого порошка.

– Это высушенные цветы папоротника, – сказал пестун. – При неправильном с ними обращении могут свести волшебника-недоучку с ума. – Глаза отца Ходыни сделались холодными и строгими. – Надеюсь, впредь столь легкомысленным образом ваше любопытство проявляться не будет. А воспитанник Бондарь сегодня вечером пять раз перепишет «Правила обращения с колдовскими атрибутами»! Ясно?

– Ясно. – Репня мученически вздохнул.

Вздохнул и Свет: свободного времени у Репни сегодня не будет – «Правила» насчитывали сорок параграфов на четырех страницах. Если потратить на каждую страницу по десять минуточек, переписка займет более трех часов!..

– Это наказание научит вас, Репня, чувству ответственности, – сказал пестун. – А для всех остальных послужит уроком.

Репня сел, уныло посмотрел на Света. Свет изобразил на лице горячее сочувствие и подмигнул наказанному.

– Теперь займемся непосредственно материалом нашего сегодняшнего занятия, – продолжал отец Ходыня. – Прежде чем мы приступим с вами, судари мои ясноглазые, к вопросам,

связанным с теорией колдовской науки, я бы хотел, чтобы вы уяснили для себя две вещи. – Он сделал паузу и убедился, что все его слушают. – Вещь первая. Изучение волшебства – это главным образом одиночество. – Он поднял указательный перст десницы. – Вестимо, существуют стандартные заклинания и стандартный набор колдовских атрибутов, но... – Он снова сделал паузу. – Талант каждого из вас сугубо индивидуален. Кому-то Семаргл дал больше, кому-то меньше, и вам самим предстоит определять наилучшие для себя заклинания и атрибуты. К примеру, – он снова обвел воспитанников глазами, – каждый волшебник, хоть и используя стандартные заклинания, по-своему накладывает охранное заклятье на двери помещений. Мощь заклятья, длительность его действия и трудности, с коими столкнется тать, возжелавший проникнуть в заклятые вами двери, зависят от технологии наложения заклятья. На практических занятиях каждому из вас предстоит опытным путем подобрать наиболее подходящую персонально для каждого из вас технологию: ритм заклинания, интонационную окраску, предметную атрибутику... В силу разницы в Талантах то, что найдет для себя Бондарь, окажется малоподходящим для Смороды и наоборот. Поэтому мы и отрываем вас от ваших родителей, поэтому каждый из вас живет отдельно от других воспитанников, поэтому ни один волшебник не заводит собственной семьи. Ясно?

– Ясно! – хором отозвались воспитанники.

– А теперь вторая, еще более важная вещь. Ее я вам продемонстрирую экспериментально. Так будет гораздо нагляднее.

Отец Ходыня подошел к полке, выбрал несколько коробочек, достал из ящика стола ступку и пестик. Бросив в ступку по щепотке каких-то кристалликов из разных коробочек, он принялся растирать содержимое пестиком. Потом достал из стола тонкую свечку на низком подсвечнике и зажег ее. Воспитанники, уже понявшие, что наблюдают некое колдовское действие, во все глаза следили за манипуляциями своего пестуна.

Отец Ходыня простер к клетке с кошкой руки, нараспев произнес непонятные слова. Кошка встала, потянулась, снова замурлыкала, помахивая пушистым хвостом. Отец Ходыня что-то крикнул, вскинул руки к потолку.

И тут шерсть на кошке встала дыбом. Кошка зашипела, потом заорала благим матом и принялась носиться по клетке на манер белки в колесе.

Отец Ходыня взял щепотку порошка из ступки, бросил в пламя свечи. Полыхнул багровый всполох, по келье поплыл вкусный запах.

Свет с шумом перевел дыхание и почувствовал, как его сердце ухнуло куда-то в самый низ живота. И навалился страх, жуткий, душный, беспросветный. Вокруг Света взметнулись в небо толстые колья, забушевал кругом кровавый огонь. И сквозь огонь уставилась на него мерзкая морда какой-то образины. Сердце скакнуло из живота под горло, и он задохнулся от ужаса, закрыл глаза руками, сжался в комок, пытаясь втиснуться в землю. А потом раздался за кольями громоподобный рык...

Все исчезло. Воспитанники с испугом смотрели друг на друга, дрожащие и потные. Отец Ходыня открыл клетку, взял кошку на руки, погладил, почесал за ухом. Кошка успокоилась, улеглась вздыбленная шерсть, поднялся трубой хвост. Пестун посадил кошку назад, в клетку, и прикрыл покрывалом.

Отставив клетку в сторону, он обвел взглядом перепуганных мальчишек, покивал головой.

– То, что я сейчас вам показал, называется «Ночное волшебство». Оно направлено не на пользу, а во вред живым существам. Я специально проделал этот эксперимент, чтобы вы на всю жизнь запомнили, чем может обернуться для других людей – и не токмо людей – ваше творчество. – Он снова обвел взглядом воспитанников. – Собственно говоря, я всего-навсего напугал это животное, а потом дал вам почувствовать, что оно в данный момент ощущает. Однако сам по себе страх может оказаться причиной смерти, и тогда я бы стал убийцей. К

счастью, этого не случилось, а то бы я был немедленно дисквалифицирован... Что вы ощутили, Бондарь? – Он посмотрел на Репню.

– Жуть! – только и сумел произнести Репня.

– Вот именно – жуть, – сказал пестун. – А могло быть и хуже. И потому занятия Ночным колдовством категорически запрещены как для отроков, так и для мужей-волшебников. Пойманные на нем немедленно подвергаются наказанию.

– А каково это наказание? – тут же спросил Репня.

– А наказанием является лишение вас Таланта.

– Разве человека можно лишать Таланта? – с сомнением произнес Свет. – Ведь Талант дан ему Семарглом.

Отец Ходыня кивнул:

– Вы правы, мальчик. Однако Талант дается Семарглом для того, чтобы человек использовал его на благо других людей. Пока это все, что вам следует знать и понимать. Итак, я формулирую два основных закона жизни волшебников. – Он опять поднял перст десницы. – Первое. Сила колдуна – в одиночестве. Второе. Ночное колдовство лишает колдуна Таланта. Повторите.

Воспитанники повторили.

И повторяли не один год.

10. Ныне: век 76, лето 2, червень.

Свет появился в Институте нетрадиционных наук без четверти два. Ждать не пришлось ни минуты. Охрана была предупреждена, и стражник тут же проводил чародея к академику Барсуку.

Войдя в кабинет, Свет поздоровался и огляделся. Он уже бывал здесь раньше и потому сразу заметил, что в кабинете произошла перестановка. Нет, рабочий стол Барсука стоял на прежнем месте, у дальней стены. Не сменили своих привычных мест и шкафы, в которых, помимо трудов Барсука, хранились многочисленные документы, необходимые ему в работе. Зато стол для совещаний увеличился в размерах, и за ним сидели отнюдь не сотрудники академика. Впрочем, сотрудники академика – двое молодых людей – в кабинете тоже присутствовали. Они стояли у небольшого демонстрационного столика, который расположился возле шкафов. На столике разместилось странное сооружение: колесо на оси с изогнутой, как ворот у кладезя, ручкой, над колесом на металлических спицах два небольших металлических шарика. Рядом с сооружением, на простенькой деревянной подставке лежала украшенная хохломской росписью шкатулка.

На странное сооружение бросали любопытные взгляды все присутствующие. Во главе стола восседал белогривый и сухой, как жердина, Кудесник Колдовской Дружины Остромир. Хозяин кабинета, академик Ярополк Барсук, маленький и худенький, похожий на бородатого мальчишку, занимал место ошую, а справа от Кудесника утвердился министр безопасности Путята Утренник. Здесь же пребывали читающий какую-то бумагу секретарь Кудесника Все-слав Волк и привычно сверкающий лысиной опекун министерства безопасности от палаты чародеев Буня Лапоть. Остальные были Свету незнакомы, но по их мундирам можно было сделать вывод, что они представляют на совещании различные ведомства министерства ратных дел. Впрочем, никого из воевод не было: по-видимому, обещанные на сегодня чудеса большого интереса у высшего военного руководства еще не вызвали.

Едва Свет сел на свободный стул, Путята Утренник встал:

– Начнем, пожалуй, судари мои... Мы собрались с вами здесь для того, чтобы присутствовать при эксперименте, подготовленном академиком Барсуком. Смею надеяться, что эксперимент этот будет иметь весьма огромное значение. И потому отношение министерства ратных дел к происходящему представляется мне несколько легкомысленным. Впрочем, я надеюсь, что присутствующие на нашем совещании сотрудники министерства сумеют оценить увиденное и доведут информацию до воевод. – Министр безопасности посмотрел строгим взглядом на ратников и повернулся к Барсуку: – Прошу вас, академик!

Поднялся хозяин кабинета:

– Я бы хотел сначала продемонстрировать уважаемым сударям результаты нашей работы, начатой в грудне прошлого лета. Хотел бы также попросить всех присутствующих приберечь вопросы на потом, а покудова выполнять все мои просьбы.

Он сделал знак своему сотруднику. Тот взял со стола хохломскую шкатулку и подал академику.

Барсук повернулся к присутствующим:

– Я хотел бы пояснить сударям ратникам, почему на эту демонстрацию приглашен чародей Сморода. Дело не токмо в том, что он самый сильный в стране шупач и потому работает на министерство безопасности.

Свет слегка удивился – называть себя работником этого государственного органа он бы не стал. Впрочем, академик мог и не знать сути взаимоотношений чародея Смороды с учреждением, возглавляемым Путятой Утренником.

– Дело еще в том, – продолжал Барсук, – что, опосля Кудесника, чародей Сморода – самый сильный в стране волшебник, и потому заклятье, наложенное на любой предмет совместно Кудесником и чародеем Смородой, вряд ли может быть снято кем бы то ни было в приемлемые для нашего эксперимента сроки.

Ратники переглянулись, но предпочли оставить это вступление без комментариев. Лишь один из них кивнул головой.

Академик снял с шуйцы поблескивающий изумрудом перстень, открыл крышку шкатулки и положил украшение внутрь. Затем передал шкатулку одному из своих сотрудников. Тот вернул разукрашенный ящичек на прежнее место, на подставку рядом со странной установкой.

– Поелику судари ратники – не волшебники, я поясняю свои действия. Сейчас я попрошу Кудесника и чародея Смороду наложить на шкатулку охранное заклятье. Перстень я положил туда потому, что заклятье, наложенное на пустую шкатулку, оказывается гораздо более слабым, чем то же заклятье, наложенное на шкатулку, в которой лежит ценная вещь. Волшебникам это хорошо известно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.